

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ



Поль Пети
Андре Ларонд



Университетская библиотека

Cogito, ergo sum

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Cogito, ergo sum

Эллинистические цивилизации

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ПОЛЬ ПЕТИ
Профессор Гренобльского университета социальных наук

АНДРЕ ЛАРОНД
Профессор университета Париж — Сорбонна

АСТ • Астрель
Москва
2004

УДК 94 (3)
ББК 63.3 (4)
П29

Подписано в печать 15.06.2004. Формат 76x100/32.
Гарнитура «Петербург». Усл.-печ. л. 7,00. Тираж 5000 экз. Заказ 823

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

Пети П.

П29 Эллинистические цивилизации / П. Пети, А. Ларонд; Пер. с фр. Т. Земцовой. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 158, [2] с. – (Cogito, ergo sum: «Университетская библиотека».)

ISBN 5-17-025293-5 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-09495-2 (ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 2 13 045409 7 (франц.)

Университетская библиотека - это серия книг для университетов и вузов по всем основным областям знаний.

Авторы этой книги, изучив многочисленные исследования, предприняли попытку пересмотреть некоторые прежние суждения, и пришли к выводу, что эллинистическии цивилизации не имеют ничего общего с упадком, и их нельзя трактовать как переходный, смутный и хаотичный период между греческим классицизмом и могуществом Римской империи.

УДК 94 (3)
ББК 63.3 (4)

Настоящее издание представляет собой перевод
оригинального французского издания «La civilisation hellénistique»,
Paul Petit et André Laronde

ISBN 5-17-025293-5 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-09495-2 (ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 2 13 045409 7 (франц.)

© Presses Universitaires de France, 1973
© ООО «Издательство Астрель», 2004

ВВЕДЕНИЕ

Невозможно отрицать самобытность эллинистической цивилизации: достаточно сравнить пергамский Акрополь с афинским, историю Полибия с историей Фукидида, стоицим с платонизмом и классику Перикла с «барокко» (в полном смысле слова) Антиоха Эпифана.

Присутствие греческого духа здесь очевидно, но сразу заметно, что к нему примешиваются чужеродные и новые составляющие. Если ее хронологические рамки охватывают только три века, отделяющие смерть Александра от завершения римского завоевания (323—30 гг. до н. э.), то географические несравненно шире: от Индии до Карфагена, от Египта до Италии. Местные нюансы значительны, они усугублены тем несоответствием, которое стало результатом по-разному происходившей эволюции. Между греческим классицизмом и римским существует длительный оригинальный период: после того как его рассматривали как переходный, то есть уступающий другим и менее характерный, современные историки, наоборот, заострили внимание на этой эпохе, которая вобрала в себя и трансформировала эллинистическое наследие,

распространяя его даже за пределы средиземноморского мира.

Все или почти все вышло из деяний Александра, и это отмечают даже его современники. Никто не повторил его эпопеи, но все знали, что после него мир уменьшился, и великие мужи, такие как Ганнибал, Митридат и Цезарь, во всех смыслах прошли ойкумену. На Александре к тому же лежит ответственность за эллинизацию античного мира, он остается общим знаменателем всех «эллинистических» действий: включения греков в восточный мир и распространения на самом Западе цивилизации, которая ему предшествовала, — таковы прямые последствия деяний македонца.

Он был, наконец, создателем территориального государства гигантских размеров, управляемого сатрапами или стратегами, и образца монархии, вышедшей одновременно из греческой тирании, македонской монархии и древних институтов Ахеменидов и фараонов. Царский культ, предвестники которого появились в Греции к концу V в. до н. э. (попытки спартиата Лисандра, победителя Афин в 404 г. до н. э.), зародился в 331 г. до н. э. в оазисе Сива, где Александр советовался с оракулом Зевса — Амона, и волей-неволей был признан греческими полисами божественным после знаменитого указа, объявленного в Сузах в 324 г.; все это стало отправной точкой для необратимых перемен.

Часть I

ОЙКУМЕНА: ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Империя Александра распространилась далеко за пределы Средиземноморья, поскольку в нее входили Передняя Азия, Месопотамия, Иран. Но завоеватель не успел — а ему приписывают такое намерение — сделать свою монархию всемирной, пройдя северные берега Африки до Геракловых столпов (древнее название Гибралтарского пролива. — *Ред.*), удостоенных в то время жертвенников Хифаза. Однако бассейн Западного Средиземноморья, уже после него и мирным путем, был завоеван цивилизацией, обязанной Александру. А некоторые части Востока, самые окраинные, наоборот, были очень скоро утрачены — Инд, часть Верхних Сатрапий (греко-бактрийские царства) и северная полоса, от Ирана до Черного моря. И там можно обнаружить греческое влияние, но мы не станем на них останавливаться, так же как на попавшем со II в. до н. э. в руки парфян Иране с самой большой частью Месопотамии.

Не имея возможности охватить все, мы сосредоточим это исследование на Средиземноморье, поскольку именно здесь эллинизм реализовал все свои возможности.

Понадобилось около полувека ожесточенной борьбы, чтобы придать новому миру существенные черты политической организации. В 321 г. до н. э. раздел Трипарадиса в Сирии привел к появлению трех крупных образований, которые упрочились: Македония—Греция, Азия и Египет. Между 306 и 304 гг. властители соперничавших государств провозгласили себя царями, ликвидировав таким образом мечту о мировой империи. Между 200 и 275 гг. до н. э. окончательно сформировались монархии: Египет под властью Птолемеев, или Лагидов, Азия с Селевкидами, Греция и Македония с Антигонидами.

I. Монархии и полисы

Век свободных полисов уступил место веку монархий. Даже более мелкие государства, азиатские царства (Понт, Вифиния, Каппадокия), Эпир при Пирре (295—272 гг. до н. э.), Кирена при царе Магасе (300—250 гг. до н. э.), Сиракузское княжество Гиерона II (275—215 гг. до н. э.), даже независимые республики, Родос, Рим и Карфаген, — одним словом, все, кто играл роли первого плана, владели большей территорией, населением и материальной силой, чем блистательные *полисы* предшествующего века — Спарта, Фивы и Афины. Но масштаб проблем требовал правления новой формы, неких торговых аристократий и особенно личных монархий в основных государствах.

Территориальное государство, наследство империи Александра, далеко от того, чтобы быть однородным и единым. Македонцы сталкиваются с греческими полисами, Пергам — с анатолийскими городами и населением, Египет распространяется в длину, утверждается в Эгейском море и в Малой Азии, а Селевкиды господствуют над многочисленными «царями, династиями, городами и народами». Поражает разнообразие рас, языков и религий. Монархия, повсюду чужеземная и навязанная силой (за исключением Македонии), найдет фундаментальное решение, впрочем, не исчерпывающее, поскольку не поднимется до государственного понятия: нигде царствующие дома не обладали прочностью Римской республики.

Происхождение единоличной монархии связано с волевыми действиями диадохов, «правом сильного», а, возможно, еще и почета, завоеванного на протяжении IV в. до н. э. некоторыми тиранами, близкими Исократу платониками, такими как Дионисий Старший, Эвагор Кипрский, Мавеол Галикарнасский, Агафокл Сицилийский. В самой Македонии, где монархия была государственной, она проявляет тенденцию стать единоличной в период между правлением Антигона Гоната (276—239 гг. до н. э.) и Филиппа V (221—179 гг. до н. э.).

Цари имеют простой титул басилея и носят белую повязку, которая служит им диадемой, они окружают себя сподвижниками и двором. Они обладают неограниченной властью, являются собственниками «царской земли», которую могут даровать по своему усмотрению. Единоличная монархия, патриархальная и па-

терналистская, — единственный способ установления принципа единоначалия. Правление в большой степени сосредоточено в руках приближенных, имеющих неопределенное название («приставленный к делам», «приставленный к доходам», «тот, кто управляет», *диойкет*), это и царские слуги, и члены царствующей семьи, и государственные служащие. Только в Египте и Пергамском царстве существует бюрократия писцов *(грамматов)*, но предполагается, что все цари действуют непосредственно и лично. Их законодательство имеет одинаковые черты: это не законы, как «номосы» полисов, а «написанное решение» в виде писем или указаний (*diagramma*, *prostagma*), которые образуют серию единичных актов, отдельных случаев, формируя постепенно юриспруденцию и собрание примеров. Такая практика гибко отражает бесконечное разнообразие реальности, но лишает государство сильной структуры, которая придала прочность Римской республике. Однако в этой царской «корреспонденции» зарождается нравоучительная идеология, которой позднее было достаточно для того, чтобы радикальным образом противопоставить *басилея* самоуправному тирану. Для решения проблем, возникающих в связи с обширностью территорий, многообразием народов и их традиций, эллинистические цари вводят местное управление сатрапического типа. Тот же термин некоторое время существовал в государстве Селевкидов, прямых наследников Ахеменидов, но, как правило, в обширных территориальных округах царя представляли стратеги. В централизованных государствах, таких как Македония и Пергам, стра-

теги назначались реже, по крайней мере о них меньше известно. Их название указывает на то, что это представители исполнительной власти, хотя их военная компетенция иногда ослаблена, как в Египте. Им помогали гражданские служащие и мелкие чиновники, хорошо известные только в Египте. При энергичных, способных и деятельных правителях эта система управления была эффективной, но имела очевидные недостатки: отсутствие сильных местных структур, чрезмерная независимость и децентрализация, превышение власти, взяточничество, стремление к эксплуатации подданных. Позднее все эти злоупотребления послужат примером для римских проконсулов, наследников стратегов, обладающих, как и они, властью на обширных территориях, в провинциях.

В целях большего укрепления единоличной монархии и ослабления пагубного влияния всемогущей или беспомощной администрации создавалась идеология «хорошего правления», вышедшая из философской мысли, особенно философов-стоиков, имевших большое влияние на элиты, иногда и на царей, например на Антигона Гоната. Царь — это благодетель, Всеобщий Эвергет (почетное звание, от греч. *«благодетель». — Ред.*) и доктрина идеальной монархии содействовали тому, чтобы заставить греческую мысль, некогда свободолюбивую, признать существование монархий, явно их оправдывая. Под покровительством Геракла или Зевса и вооруженный стоическими принципами властитель утрачивает облик тирана и разменивает свою великую добродетель *(арете)* на мелкую монету моральных качеств, умеренности, фи-

лантропии, набожности, справедливости, которые позднее и на века станут основополагающими добродетелями римских императоров. Государь — это Живой Закон, и его представители, например в Египте, получают приказание править по его примеру — справедливо, честно и на благо народов.

Царский культ действует в том же направлении — одновременного оправдания власти и укрепления единства в этих государствах, которым это крайне необходимо. Несмотря на восточное влияние, ощутимое у Селевкидов и особенно у Птолемеев, которые склоняются к египтианизации (текст Розеттского камня, датируемый 196 г. до н. э., см. Bevan, *Histoire des Lagides, c. 296*), создается впечатление, что в основе этих культов стоит греческая мысль: героизация победоносного вождя, защищенного Зевсом, который дарует победу, как Лисандр в конце V в. до н. э., затем культ Александра, более сильного, чем Геракл в его подвигах и Дионис в его скитаниях, объясняет, что некоторые полисы приняли инициативу обожествления: в 305 г. до н. э. Родос создал культ Птолемея I, своего избавителя (Сотер). Возводятся алтари, святилища, статуи, часть из них — в храмах великих богов (говорят, что царь — это «синнаос» бога, разделяющий с ним храм), но разнообразие проявлений свидетельствует об отсутствии официальной регламентации. Точно так же дворцовые круги настаивают на культе их властелина, персональном и личном, но без принуждения. В целом царский культ, даже став династическим, является религиозным переложением монархической идеологии, а его не

имеющая духовной ценности политическая эффективность была признана римскими императорами, и они его приняли.

Из-за признательности или ради корысти, но греческие полисы допустили этот культ. Менее отчетливо он проявлялся в наиболее урбанизированных государствах — в самой Греции и Пергамском царстве. Отношения между царем и полисами — между абсолютизмом одних и духом автономности других — часто были деликатными, и это не было соглашением, по крайней мере в своей основе. Но уже в IV в. до н. э. города представляли собой только бледное отображение гражданского характера античных полисов; с другой стороны, политика эллинизации, проводимая царями, подталкивала их к снисходительности по отношению к сообществам, воплощавшим во всеобщем мнении единственный греческий способ представления о цивилизованной жизни.

Благодаря слабости местного окружения и некоторым привилегированным позициям несколько городов остаются независимыми или почти независимыми Афины, Коринф (эпизодически) и особенно Родос из-за своего островного положения, торговой роли, ценности союза с ним и дипломатических комбинаций своей олигархии. Объединяясь, полисы создадут государственные союзы (Ахейский, Этолийский), которые под руководством стратегов (Арат Сикиона, 245—224 гг. до н. э.) будут проводить политику, независимую от Македонии, всячески оберегая автономию своих участников. Но их вклад в развитие цивилизации невелик.

Другие полисы по возможности стараются наладить отношения со своими властителями. Сущностью их политики становится вынужденная покорность, сопровождаемая мелочным торгом и заурядной лестью, подчинение, так или иначе замаскированное более или менее фиктивной автономией. Они сохраняют свои институты — магистраты, буле, народные собрания правят по указам, но получают гарнизоны, царских эпистатов, горячо обсуждают суммы требуемых выплат, выделяемый контингент и право «асилии» (убежища), которое им стоит иммунитета. Растущее значение «эвергетных», а поэтому дорогостоящих повинностей (*агонотезия, гимнасиархия,* т. е. снабжение продовольствием, праздники, игры), которые могли себе позволить только имущие, свидетельствует об ослаблении политического духа. Города, вновь основанные (особенно Селевкидами) и не имеющие тех же традиций и тех же воспоминаний, лучше приспособлялись к царской опеке их основателей. Но повсюду повседневная городская жизнь заменила политическую, и города, особенно столицы, сыграли большую роль в развитии и распространении эллинистической цивилизации.

Римское завоевание, как известно, положило конец эллинистическим царствам. Но на протяжении двух веков, прошедших между появлением Рима и падением Александрии, там усилился процесс внутреннего распада, причиной которого был не только этот город в Лации, чем и объясняется тот факт, что римляне, поначалу опасаясь этих царств, хорошо их не зная, в конце

концов стали презирать их еще до того, как одержали над ними победу, но при этом оказались целиком под влиянием их цивилизации.

Коротко объединить точные причины падения всех этих государств — задача нелегкая. Прежде всего это слабость учредительных структур, концентрация средств в одних руках, которая требовала незаурядных властителей, что было редкостью и даже вообще не имело места на протяжении II и I вв. до н. э.

После Птолемея Сотера и Птолемея Филадельфа в Египте правил «флейтист» Авлет; после Антиоха III Великого Азия узнала причуды, подчас очень изобретательные, Антиоха Эпифана; далее не было никого выдающегося, и если Пергам до самого конца имел полезных правителей, то Македонии после Антигона Гоната некого было противопоставить римлянам, которые угрожали им первым, кроме Филиппа V, способного, но слишком авторитарного и необузданного, или несчастного Персея. Конечно, легко и некрасиво критиковать царей, которые не могли многого сделать против такого ожесточенного врага, но есть и другие причины слабости.

Хорошо организованные государства — Пергам, Египет — позволяли продажным или слишком усердным чиновникам эксплуатировать местное население до тех пор, пока эллинизация не сделала их более чувствительными к страданиям народа: угроза социальных протестов в Пергаме, националистические восстания в Египте. Впрочем, методы правления и администрирования находились в зачаточном состоя-

нии перед лицом требующих решения задач: слаборазвитое местное управление, отсутствие центральных представительств, бесталанность высокопоставленных титулованных чиновников, царских друзей и родственников, действия которых зависели от личной благосклонности, зачастую ненадежной и проблематичной, особенно в государстве Селевкидов, из-за династических распрей.

Факторов распада не становится меньше: греческая элита редеет, вырождается или разлагается, наемные армии становятся все более и более разношерстными и к тому же дорогостоящими. И военные поселения *(клерухии)* ослабляют их боеспособность, не повышая самоотверженности. Дух автономии зарождается в бессильных городах, греческие с легкостью идут на сговор с «освободителем» Фламинином, и даже сирийские города, созданные Селевкидами, организуют против них фрондерские союзы. Местные династии обеспечивают непрочные альянсы, и города-храмы медленно объединяются, помня о еврейском бунте против Антиоха Эпифана (война Маккавеев). Наконец, культ царской персоны не является монархическим культом, который прочно и на какое-то время укрепляет только победа или успех.

Несмотря на зарождение монархической идеологии, обещающей прекрасное будущее, и авторитет ярких личностей, эллинистические государства переживают в чисто политической области больше провалов, чем успехов.

II. Экономическая активность

Материальное и духовное единство, даже несовершенное, способствует экономическому росту, и в торговых отношениях используется прогресс научных знаний: целая пропасть разделяет географию Феопомпа IV в. до н. э. и географию Страбона времен Августа. С расширением территориальных границ росло разнообразие ресурсов и продуктов обмена, и зарождение некой цивилизации, в какой-то степени объединяющей и отмеченной духом предпринимательства греков, стало одновременно причиной и следствием прогресса в развитии связей.

Однако обязательно дают себя знать неблагоприятные факторы. Упрочение монархий и выживание свободных полисов вызывали соперничество армий, подчас порожденное противоборствующими экономическими амбициями (меркантильный империализм Лагидов). Под прикрытием этих столкновений пиратство расцвело и даже приняло в I в. до н. э. внушительные масштабы (Крит, Киренаика, Киликия, Памфилия). Утрата Месопотамии в середине II в. до н. э. повлекла за собой серьезные последствия для торговли Селевкидов, которым пришлось делить свои доходы с парфянами; Понтийское и Боспорское царства завладели торговлей на Черном море. Не удалось лишить арабов их посреднической роли между Красным морем и Индией, поскольку о существовании муссона узнали позднее, и на Западе стали использовать перемену его направления лишь в римскую эпоху. Набатейское царство обогатилось за счет Селевкидов и александрийцев. Развивались Босра и Петра.

Политические факторы будут влиять на расхождение во времени относительного процветания крупных государств: Египет с III в. до н. э., Македония и царство Антиоха между 220 и 190 гг. до н. э., затем Пергам и Родос, наконец, Делос и Запад. Очевиден перекос экономического развития: кредит, банковское дело, управленчество, денежное обращение процветают, а сельское хозяйство, ремесленное производство, навигация, дорожный и речной транспорт не развиваются, едва намечаются разведение новых сельскохозяйственных культур, царские мастерские, нильский речной флот, родосское морское законодательство.

К тому же разные регионы эллинистического мира по-разному соотносятся друг с другом: развивающиеся монархии (Пергам, Египет) противостоят слаборазвитым — Пелопоннесу, внутренней Фракии, центру Малой Азии с крупным господским землевладением и крестьянской общиной, Верхняя Месопотамия остается в стороне. Как правило, за исключением Египта, расширяются только области, располагающие хорошими портами — морская и островная Греция, западное побережье Малой Азии, Северная Сирия. Несомненно, сюда входит Пергамское царство, но у него два порта (Элея и Эфес) и даже Эгина. Процветание Дура-Европоса, Селевкии на Тигре и Селевкии в Эламе (Сузы) объясняется существованием дороги, соединяющей Северную Сирию с Персидским заливом, — жизненной артерии Селевкидов. Наконец, нельзя сравнивать усилия македонских и эпирских царей, несмотря на Антигона Гоната и Пирра, с усилиями Селевкидов в Си-

рии и Месопотамии и тем более с пергамскими царями Атталом II и Эвменом II, которые брали пример (как и Гиерон Сиракузский на Западе) с деяний великих Лагидов — Филадельфа, Эвергета I и позднее Эвергета II.

Изучение жизни крестьян для историка — такое же неблагодарное дело, как и сама крестьянская жизнь. В этой сфере царит монотонное и унылое однообразие: географические и климатические факторы в Греции не оставляли надежды ни на какие значительные перемены, и политические и военные смуты препятствовали прогрессу. На Востоке греки находили порабощенное крестьянство, чье состояние не менялось на протяжении веков. Приход греков совершенно не изменил ситуацию, а просто увеличил количество «берущих» и ужесточил требования к работе и производительности.

Земледелец, являющийся одновременно и собственником и работником, остается уже только в самой Греции — Аттике, Беотии, Аркадии и Македонии. Повсюду в других краях хозяин получает от земли доход, который ему приносит труд арендаторов. Города владеют землями, даже новыми, дарованными их основателями, а буржуазия заставляет эти земли обрабатывать. В Македонии, где централизованная монархия, знатные семьи владеют большей частью земли. То же самое относится к обширным областям Малой Азии, особенно в ее внутренней части, где земля принадлежит местным властителям и городам-храмам, во Фригии и Каппадокии (Пессинунт, Комана).

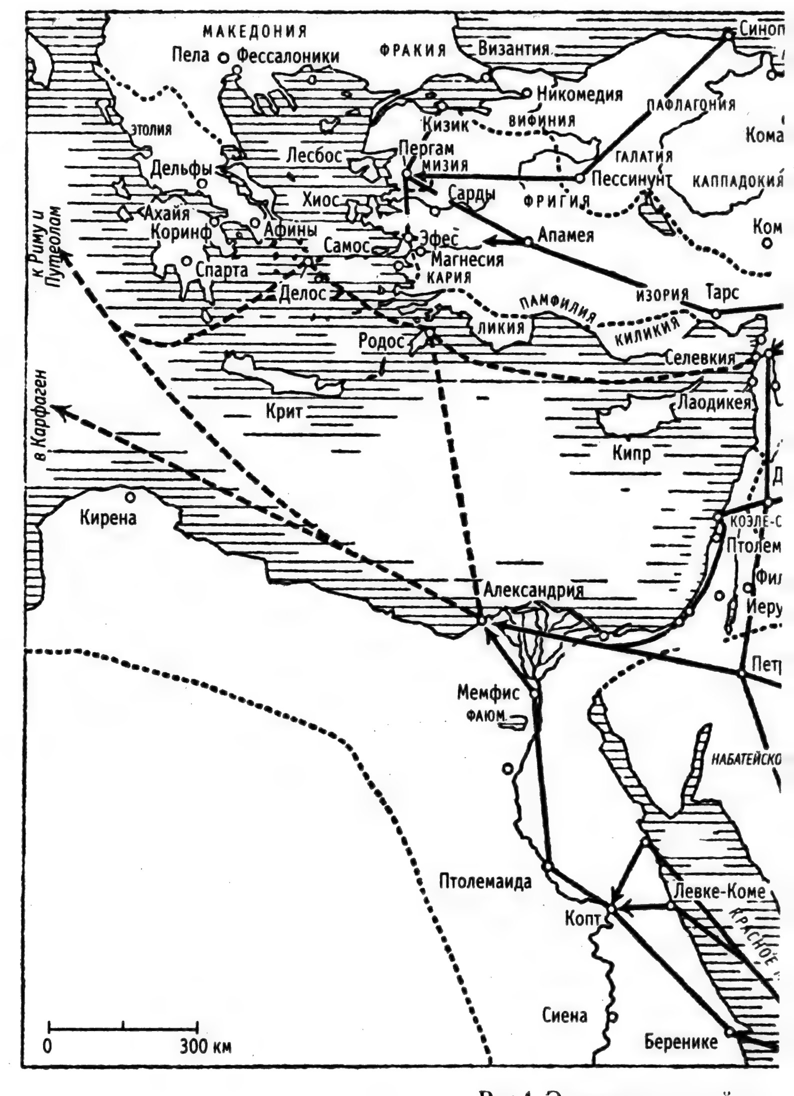
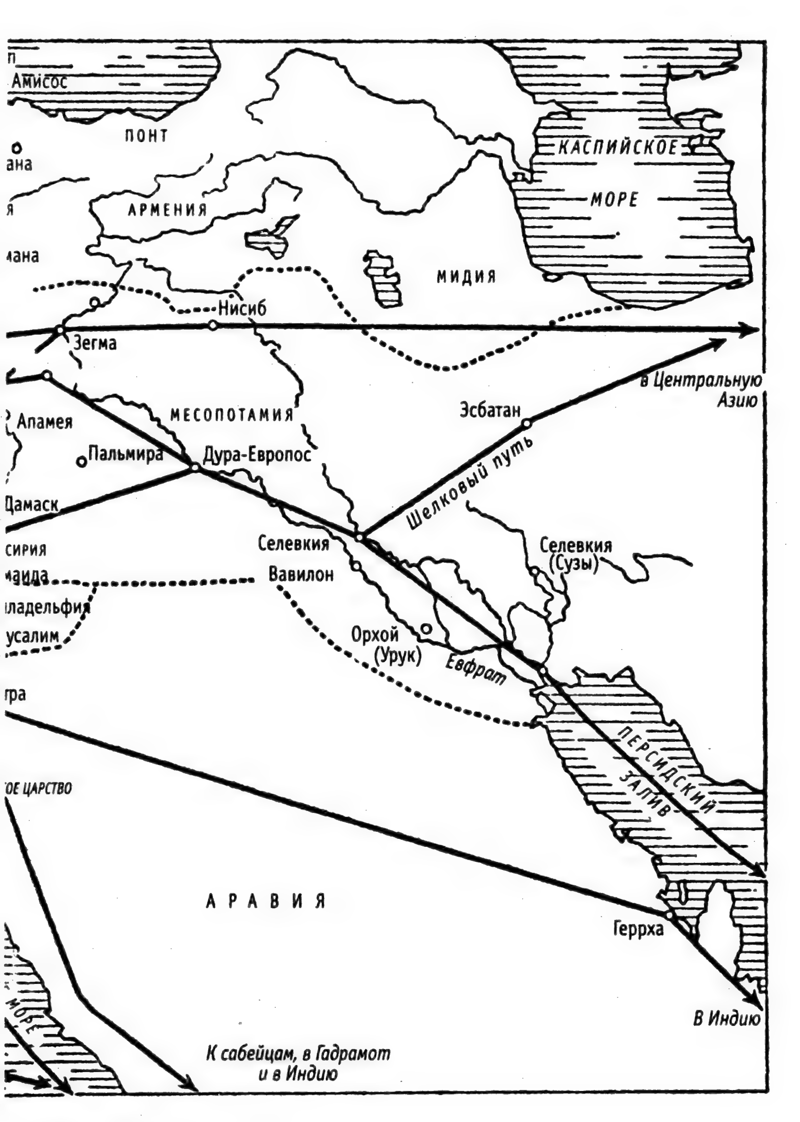


Рис.1. Эллинистический мир



и основные торговые пути

Царь, как правило, захватывает львиную долю земель на основании «права сильного», что делает из него верховного землевладельца, как наследника фараонов или Ахеменидов. Но от земли можно по-разному получать доход: либо непосредственно самим ее владельцем, либо через третьих лиц, которым она передана.

Непосредственно «царская земля» *(басилике ге)* отдается в аренду «царским крестьянам» *(басиликой георгой или лаой)*, которые натурой платят за землю арендную плату (в Египте *экфорион* — подать натурой), составляющую половину их урожая. Аренда оформляется четко оговоренными контрактами, заключенными с сельскими общинами, которые представляют их старейшины. Эта система обеспечивает царю, прежде всего в Египте, где она отличалась особенной строгостью, стабильность дохода и редко нарушаемый социальный мир. Но она подавляла инициативу и вводила в товарный обмен некоторый процент натурального хозяйства, поскольку продукция, получаемая в качестве земельной ренты, сгружалась в «царские склады», которые перераспределяли ее в виде различных выплат.

Царскую землю часто «даровали». Безвозмездно — полисам, что бывало редко и могло отменяться, за исключением основанных селевкийскими царями, а также храмам, как это было в Египте, особенно в период упадка, и в царстве Селевкидов; государство взимало достаточно низкий налог, поскольку крестьянин кормил еще и жрецов. Земля выделялась главным образом

царским слугам, воинам и военачальникам *(клерухам),* разного рода чиновникам в виде платы или награды, часто высшим сановникам в больших размерах, как в Египте и Сирии, с целью обеспечить сохранение власти и содействовать поддержанию цены на землю. Египетские *дореаи* были одновременно и обильным источником дохода для жрецов, и институтами управления.

Однако частная собственность существует, особенно в государстве Селевкидов, где царь продает большое количество земель, что ослабляет его могущество. В Египте она связана с возделыванием скудных или приобретенных посредством бонификации земель (Фаюм) в виде долгосрочных арендных, ипотечных договоров, и с разведением парков и фруктовых садов на орошаемых землях, непригодных для выращивания пшеницы или масличных культур.

Достижения технического прогресса были редки, и только греки (ветераны, сановники, крупные арендаторы), которые сами обрабатывают землю, улучшили состояние земледелия. Трудов по агрономии, похоже, существовало множество, но мы о них узнаем только от Катона, Варрона и Колумеллы, цитирующих греческие источники; Аталл III Пергамский интересовался плодоводством, и в Малой Азии эта отрасль достигла наибольшего успеха. Возможно, что земли, обрабатываемые рабами и наемными работниками, давали лучшие результаты, чем царские, доверенные крестьянству *(лаой)*, непросвещенному и косному, и к тому же незаинтересованному в прогрессе, обогащавшем государство или царских чиновников.

Основные сельскохозяйственные культуры остаются прежними при реальном расширении кустарниковых, которые греческие иммигранты выращивали для себя, особенно в Египте. Сведения, приведенные в папирусах Зенона в середине III в. до н. э. касаются только «дореа», имения Аполлония, и было бы опрометчиво слишком широко экстраполировать прогресс, который был там достигнут. Повсюду основными продовольственными культурами остаются пшеница и рожь. Пшеница иногда экспортируется из Египта, Сирии, Киренаики или Малой Азии. Виноград и оливки — типично греческие культуры, ввозимые в основном в Египет, в частности в Дельту, александрийскими торговцами для продажи и получения дохода. Кажется, что повсюду стремились добиться более высокой производительности под давлением правителей, технитов и греческих капиталистов, но прогресса достигнуть не удается: используемый греками плуг с металлическим лемехом не применялся египетскими феллахами.

Относительно ремесленного производства мы информированы лучше, поскольку к обычным документам (папирусы, надписи, тексты) добавились археологические находки (керамика, изделия из стекла, металлические предметы, домашний инвентарь). Мы располагаем небольшими сведениями о методах, мастерских, даже рудниках: золотых рудниках в Верхнем Египте, в Беренике Панхрисос, известных Диодору Сицилийскому и обнаруженных недавно.

В целом производство имеет тенденцию к росту из-за налоговых потребностей правителей, лучшей организации и защите государством и особенно благодаря появлению зажиточного слоя буржуазии, гражданских и военных служащих, торговцев, царских арендаторов, банкиров, высоких сановников, уровень жизни которых предъявляет все более высокие требования: облегчая обмен, денежная экономика стимулирует производство. Но зато падает качество. Однако нельзя говорить о «массовом производстве», о развитии «индустриального» типа; речь по-прежнему идет о ремесленнике, и только царские мастерские в Пергаме и Александрии (текстиль, папирус, пергамент), родосские предприятия по изготовлению амфор могли бы быть отнесены к «мануфактурам». Продукция высокого класса производится редко, но она всегда хорошего качества, в частности металлическая посуда (бронза, серебро), некоторые виды керамики, лаконские кувшины для вина, мегарские сосуды с рельефными изображениями, покрытые красным блестящим лаком, стеклянные изделия, ювелирные или декоративные изделия из серебра или бронзы. Естественно, обычные потребности простого населения — одежда, мебель, сосуды и т. д. — совершенно не меняются и остаются ограниченными, как в классическую эпоху. Эти потребности покрываются местными ремесленниками в деревнях, не давая возможности для развития ощутимого обмена.

Когда сельское хозяйство и даже ремесла, зависящие от неизменных технических и социальных условий, совершенно не предлагают

выдающихся новшеств, не происходит даже торговых обменов *(см. карту, с. 20—21)*. Новые условия становятся благоприятнее. Мир, похоже, словно уменьшился со времен Александра: расширяются связи по всему Средиземноморью, с появлением Италии и обновлением Карфагена они выходят даже за пределы средиземноморского мира к Месопотамии и Ирану, к Аравии и Индии через Красное море. Греческий торговец господствует в Малой Азии, Сирии, Египте, отправляется в сирийскую пустыню и Месопотамию, не пренебрегает Ираном и даже Центральной Азией, проходя караванными путями. В Александрии и Финикии он расталкивает карфагенских торговцев и, алчный и высокомерный от могущества своего правительства, быстро заставляет признать себя повсюду римским *коммерсантом*. Греческий язык *«койне»* и арамейский становятся важными торговыми языками; в основе торговых сделок лежат греческие приемы и методы. Растет значение рынков сбыта из-за растущих потребностей буржуазии и правящих классов, из-за пышности двора и царской роскоши. Но доля восточной или дальневосточной торговли становится все больше, что вызывает нарушение торгового баланса, поскольку импорт предметов роскоши превосходит экспорт, и на дорогие вещи, шелка, пряности, духи тратятся огромные деньги.

Однако экономическая целостность и развитие торговых обменов страдают от противоречивых амбиций царей, каждый из которых хочет обогатиться за счет других, экспортируя

больше, чем покупает у своих соперников, и, стремясь (особенно Египет) к максимальной автаркии. Такая политика приводит к администрированию, стесняющему свободу, к монополии Лагидов, таможенным пошлинам, скорее фискальным, чем протекционистским, ограничениям денежного обращения. Следует добавить еще пристрастие к накоплению сокровищ, чрезмерное значение натуральных налогов и огромные расходы на удовольствия и поддержание престижа (праздники, роскошь, строительство). Античность всегда игнорировала производительное инвестирование новых богатств; накопленный капитал бесплодно исчезал, и единственным способом его умножения было ростовщичество (откупщики и итальянские купцы), которое подавляло экономический прогресс.

Характер документальных материалов не позволяет ни определить статистику, ни даже проследить кривую эволюции. Внешних событий достаточно, что дает возможность предположить насильственные действия: междоусобные войны, борьбу между государствами (Сирийские войны), социальные волнения (греческие полисы, Пергам, Египет), восстания рабов около 145—130 гг. до н. э., пиратство, разрушения, причиненные римлянами, исчезновение Македонской монархии, упадок Коринфа и разрушение Карфагена в 146 г. до н. э., нарушение естественных торговых потоков, вызванное созданием свободного порта в Делосе, уход из Азии откупщиков в 123 г. и в I в. до н. э., войны Митридата (резня в 88 г. до н. э.), разграбление

Афин Суллой в 86 г. до н. э., затем войны Цезаря против Помпеев и Октавия против Антония.

Монетарная политика государств и рост денежного обращения — это существенные элементы. Даже регионы, уклоняющиеся от монетарной экономики, были вынуждены ее принять: индийские и бактрийские цари, парфяне, набатейские арабы, варварские народы Фракии, Балкан, дунайские и западноевропейские кельты, галлы; среди наиболее развитых стран — это прежде всего Египет, Палестина, Армения, на Западе под влиянием греческих городов в Сицилии и Южной Италии появляются карфагенские и римские деньги (IV—III вв. до н. э.), но повсюду их начинают использовать только в эллинистическую эпоху.

Вначале ввод в обращение сокровищ Ахеменидов дал возможность свободной чеканки монет, которая повлекла за собой развитие добычи золота и особенно серебра и меди: Нубийская пустыня (в Беренике Панхрисос), Кипр для Египта, Кавказ, Армения, Малая Азия (побережье Черного моря, Тавр, Киликия) для Селевкидов, Фракия и Халкидики для Македонии. Но добыча драгоценных металлов не соответствовала росту потребностей, тем более что некоторые производительные регионы были утрачены, особенно Селевкидами. Усиливалось накопление, и римляне переместили в Италию огромные количества денег (трофеи, награбленное, штрафы, доходы от ростовщичества). В результате в I в. до н. э. на Востоке деньги стали редкими и дорогими, в то время как большая часть денежных запасов находилась на Западе.

Наконец, сама сущность торговли с Азией и Дальним Востоком объясняет этот дефицит, от которого равным образом страдала и Римская империя.

Цари разрушили денежное единство, подготовленное Александром. Однако два денежных эталона разделили между собой эллинистический мир: аттический эталон, принятый Антигонидами, Атталидами и Селевкидами и многими греческими полисами и на который ориентировалась вначале римская денежная система, и эталон кипрский и финикийский, принятый Птолемеем Сотером и на Родосе и находившийся в обращении также в Карфагене, Сиракузах, Массалии. В ходу была серебряная монета. Главная единица измерения — драхма и кратные ей. Право чеканки принципиально сохранялось за царями и свободными городами; некоторые, особенно Селевкиды, допускали местную чеканку монет, особенно медных. Большинство разрешало у себя в государстве обращение иностранных монет, кроме Лагидов, которых сделало нетерпимыми стремление к денежному и торговому империализму. Серебряные монеты, как правило, были хорошей пробы, и даже при Империи во времена инфляции множество египетских контрактов составлялись в птолемеевских серебряных деньгах. Но инфляционная бронзовая монета к концу III в. до н. э. во владениях Лагидов взяла над ними верх.

Интенсивность сделок, заключаемых подчас в отдаленных районах, и потребность в торговом обмене в первую очередь объясняют значе-

ние профессиональных банкиров. Нужно было также обеспечить сохранность накопленных капиталов, заставить вложенные средства приносить доход, служить посредником для всякого рода торговых операций. К частным банкам, хорошо известным в Афинах в IV в. до н. э., теперь присоединяются городские банки, особенно после 200 г. до н. э., храмовые банки (деловые и депозитные) и государственные банки, которые лучше всего были организованы в Египте.

Банки полисов известны мало, за исключением тех, что существовали в Косе и Милете. Крупные частные банки, нередко находящиеся в руках выходцев из Афин, существуют в Родосе и развиваются в Делосе во II в. до н. э. На острове Аполлона также множество банков, принадлежащих храмам и поддерживающих тесную связь с частными учреждениями; больше всего таких банков находится в Малой Азии, где издавна храмы, например в Эфесе и Сардах, хранили частные средства. В Египте многообразную роль играют царские банки, сданные в аренду строго контролируемым частным лицам: они не только распоряжаются частными средствами, но и получают налоги наличными, гарантируя государству строгое соблюдение контрактов, которые частные лица (сборщики податей, всякого рода подрядчики) заключают с администрацией, производят общественные платежи и добиваются того, чтобы царские доходы давали прибыль, умножая число гарантов, ответственных друг перед другом за их средства. Короче говоря, все это представляет собой взимание налогов, депо-

зитные кассы, казначейские кассы, компенсационные кассы, где документооборот определяет дебиты и кредиты.

Наконец, именно в эллинистическую эпоху складываются крупные торговые потоки, которые будут существовать при Римской империи. Торговля с Востоком, то есть с Аравией, Индией, Центральной Азией и Африкой (Нубия, Сомали), приносит предметы роскоши, легкие ткани, удобные при транспортировке и очень дорогие шелка, драгоценные камни, благовония, пряности, за которые греки платят очень дорого и наличными, поскольку никакого обмена не существует. Основные пути идут по земле (сирийские, набатейские, бедуинские караваны) и по морю (Красное море, Персидский залив, Индийский океан), приводят в Сирию или Александрию и будут изучены дальше. Все продовольственные товары и дорогие ткани закупаются в Александрии, Антиохии, особенно на Родосе, затем Делосе, которые служат центрами перераспределения для стран Эгейского моря и для все большего и большего числа стран Запада и Рима.

В том же Средиземноморье предметами торговли между развитыми эллинистическими государствами являются пшеница, вино, масло, сырьевые материалы (лес, металл, текстиль, смола) и ремесленные изделия (керамика, металлические предметы и посуда, дорогие ткани, папирус и пергамент), а также рабы. Торговля предметами повседневного спроса была достаточно ограниченна в связи с ростом количества местных центров производства.

Многочисленные порты, сооружение которых быстро развивалось (Аполлония в Киренаике, Селевкия в Пиерии, Милет, Фессалоники, Бисанта, Сизик и Синоп) проявляли большую активность. Только Александрия, Эфес, Родос и Делос играли межгосударственную роль первого плана, что мы увидим в дальнейшем. Основы торгового дела находились в руках профессиональных купцов, часто объединявшихся в корпорации. Лишь в Египте организация торговли сопровождалась высоким налогообложением, как и все сферы деятельности.

III. Роль государства в Египте эпохи Лагидов

Монархия Лагидов — это чужеродная суперструктура, вначале опирающаяся на греко-македонскую армию и на бурную активность греков-иммигрантов, прибывавших практически отовсюду. Эксплуатация страны всегда требовала сильной централизации, к которой эта страна привыкла, на протяжении веков вылепленная деспотизмом фараонов. Цари, подгоняемые желанием могущества, которое свойственно всем эллинистическим государствам, и более других неравнодушные к роскоши, стремились всемерно эксплуатировать свое «богатое поместье».

Власть — абсолютная, централизованная, бюрократическая — выплеснула на страну бесчисленное множество местных чиновников в качестве исполнителей и контролеров, при этом греков — на высшие посты, а все более эллинизированных египтян — на низшие. В некоторых сферах деятельность государства

принимает крайние формы «фискализации» и монополизации: монополия на масло на всех стадиях его производства (разведение, сбор, изготовление, распределение, таможенная защита) здесь была самой совершенной и наиболее известной по таможенным законам Филадельфа. Маслу, получаемому из масличных культур (кунжут, кротон, клещевина), придавалось государственное значение, что облегчало монополизацию, так же как и «вертикальная» организация власти; с другой стороны, отрицательные последствия этого сказываются только на бедноте (греки пользуются лишь оливковым маслом), и контроль облегчен (при отсутствии экспорта); получается замкнутый круг, автаркический сектор. На каждой стадии государство извлекает прибыль, всеобщий запрет на импорт иностранного масла (кроме оливкового) позволяет искусственно держать цены достаточно высокими, чтобы иметь возможность налогообложения, и достаточно низкими, чтобы удовлетворять потребности бедноты. Монополия на другие виды продукции была неполной: производство шерстяных тканей оставалось свободным благодаря грекам. Папирус, горнорудная продукция и благовония экспортировались, значит, цена на них зависела от внешних условий; но налоговые обложения весьма значительны, и таможни действуют очень умело.

В других отраслях, где монополия не установлена, предполагается работа по договору. Деревни царских крестьян тоже попадают под драконовские договоры, которые устанавливают выбор сельскохозяйственных культур

согласно предписанию, использование семян, заготовленных государством, дату сбора урожая и его строгое распределение между государством и крестьянином. Труд ремесленников часто регламентировался договорами между государством и мастерскими, в частности, при производстве тканей; наряду с мастерскими, принадлежащими царю, имеют значение и храмовые, которые заключают договоры на государственные поставки. Речной и дорожный транспорт предоставляет широкий набор средств от реквизированных (ослы с погонщиками) до свободных — посредством контракта с владельцами плавучих средств или найма на более или менее свободных условиях.

Наконец, некоторые отрасли как бы отдаются в концессию или лицензируются. Часть земли «даруется», таким образом, за выплату налогов и предусмотренную арендную плату. Здесь предоставляется гораздо большая свобода при выращивании сельскохозяйственных культур (за исключением масличных) и частной продаже произведенной продукции. В местном масштабе розничная торговля осуществляется по лицензии: каждый розничный торговец *(капелос)* покупает разрешение и платит тяжелые подати за право пробретать продукцию у производителей, которые сами связаны договорами или монополией. Лицензии также продаются частным банкам и «импортерам-экспортерам», которые торгуют с другими государствами предметами роскоши, прибывающими с Востока, или товарами, произведенными в самой Александрии.

В III в. до н. э. результаты были блестящими: цари получали огромные доходы, могли содержать двор, пышные посольства и какое-то время лелеяли надежду на экономическое господство (денежная монополия, регулирование цен) над Эгейским морем, а через внешние владения (Киренаика, Кипр, Келесирия, Эфес) и над комплексом Восточного бассейна Средиземноморья. Во II в. до н. э. политические условия ухудшились, отчетливее проявились недостатки. Слабея, власть оставляла местным чиновникам силу, которой они злоупотребляли. Часть царской земли перешла в руки жителей Александрии и метрополий номов, клерухи стали наследственными владельцами, и храмам дарованы обширные владения; собственность, практически частная, стремилась утвердиться за счет государственных монополий. Коренное население, задавленное налогами, но сознающее свою физическую (росла численность войск, состоявших из местных жителей) и моральную силу (эллинизация мелких чиновников и торговцев), стало оказывать сопротивление, как пассивное (отшельничество крестьян, снижение производительности труда), так и активное (шайки беглых крестьян и разбойников в Фиваиде и Дельте). Власти реагировали противоречиво: цари, такие как Эвергет (знаменитый указ 118 г. до н. э.), смягчили систему и провозгласили *филантропию* (амнистии, снижение налогов, освобождение от податей, советы чиновникам быть умеренными), но в то же время усиливалась система «принуждения» (государственного давления), как об этом свидетельствуют мно-

гочисленные жалобы частных лиц и новая практика *эпиболе* (налог на заброшенные земли, который взимался за счет соседних землевладельцев). Несмотря на признаки упадка, ни высокое налогообложение, ни производственные монополии не были отменены. Безразличная к условиям жизни народа, неспособная укрепить экономическое господство страны за ее пределами, система оставалась только фискальной и меркантильной. Принятая, но с меньшим размахом Атталидами и, возможно, частично Гиероном Сиракузским, поддерживаемая в Египте римлянами, она с неумолимой суровостью (по крайней мере в своей основе) распространилась при Империи на весь римский мир.

IV. Социальная жизнь в эллинистическом мире

Это непростое исследование из-за растущей сложности фактов и большого количества возможных точек зрения. Самой Греции, застывшей в своем развитии и обедневшей, географически можно противопоставить динамичные общества, зародившиеся в монархиях путем обогащения и разрыва старых рамок: Восток был тогда словно Америка, открытая для самых смелых амбиций. В социальном плане бедноте и эксплуатируемому слою повсюду противостоят богатые и правящие классы, сановники, высокопоставленные чиновники и городская буржуазия. Даже в расовом плане есть основание отметить существование новых проблем: греки вступают в контакты с местным на-

селением, и из этих отношений рождаются оригинальные формы цивилизации. Но самые блестящие проявления эллинизма следует искать в окружении царей, в придворных свитах и в столицах.

В Греции и Македонии — последняя плохо известна, но, безусловно, обогатилась при правлении Антигона Гоната благодаря созданию новых городов (Антигония) и торговым связям, установившимся между Фессалониками и островами Родос и Делос, — культуру и цивилизацию представляла буржуазия, городская и сельская. Ее богатство еще очень значительно, как об этом свидетельствуют некоторые детали, касающиеся Спарты или Мессении, Коринфа и Афин, и тот простой факт, что римлянам после Пидны (168 г. до н. э.), разграбления Коринфа (146 г. до н. э.) и Афин (86 г. до н. э.), досталась существенная добыча.

Но точно так же в отношении Греции мы располагаем самыми четкими свидетельствами постоянного и подчас трагического социального кризиса. Несмотря на исход, особенно в III в. до н. э., множества эмигрантов и наемных рабочих, бегущих из самых отсталых районов — Аркадии, Этолии, — жизнь остается очень тяжелой для трудовых слоев населения, чья заработная плата не соответствует росту цен, естественному в мире развивающейся денежной экономики, где занятость становится редкостью из-за раболепной конкуренции, в частности в портах. Акты предоставления свободы (Дельфы, Фессалия, Бутрот) проливают свет на рабские условия труда. Разруха, при-

чиненная постоянными войнами (на протяжении III в. до н. э. Афины неоднократно бывали осаждены и оккупированы), и римское вторжение в начале II в. до н. э., усугубляют ситуацию. Политика Ахейского союза во главе с Аратом Сикионским направлена на защиту имущих слоев, которым угрожает опасность социальной революции, и этим объясняют удивительную позицию стратега, передавшего царю Македонии, гаранту стабильности, цитадель Коринфа. Консервативная ограниченность Полибия и его презрение к простым людям, очевидно, в целом соответствуют предреволюционному периоду напряженности.

Полибий и Плутарх подробно сообщают нам о попытках, предпринятых в Спарте царями Агисом и Клеоменом, а затем Набисом, которые хотели радикальными мерами, расценивавшимися как «тиранические», насильственным путем изменить облик старого аристократического полиса, бывшего испокон веков заклятым врагом тиранов и ниспровергателей. Спартанский кризис, не имея общего показательного значения из-за очень частного характера гражданской жизни, однако, знаменателен: меньшинство богатых жителей, сосредоточив земли в своих руках и давая ростовщические ссуды, социально и политически раздавили опутанные долгами пролетаризированные народные массы, судьба которых в регионе, лишенном торговли и промыслов, была безнадежна. Впервые после афинянина Солона снова остро возникает старая проблема аннулирования долгов и перераспределения земель.

Первый реформатор, Агис, хотел главным образом восстановить в своей первозданности старый спартанский идеал, пересмотренный стоицизмом. Второй, Клеомен, в большей степени реалист, но также прошедший уроки стоика Сфера, действует насильственно, опирается на народ и военных и развязывает в многочисленных городах Пелопоннеса (Мантинея, Аргос, Тегея, Мегалополь) и даже в Беотии настоящее революционное движение — определенный показатель социального недовольства, но связанного с непримиримой консервативной коалицией, раздраженной действиями царя, который освободил острова и предался суровым грабежам: Арат, герой Полибия, одолевший своего противника, призывает македонца Антигона Дозона, который разбивает Клеомена в битве при Селассии (222 г. до н. э.). В начале II в. до н. э. ту же политику продолжает Набис, с еще более выраженными разрушительными и «тираническими» признаками, но на этот раз римляне берут на себя задачу навести порядок. Революционная закваска стоицизма, служившая «пролетарским» стремлениям, остается характерным элементом этих неудавшихся движений и выявляется в других местах — в Пергаме с Аристоником, с загадочным «полисом рабов», упомянутым в Колофонском указе (найден в Кларосе в Ионии), в Аттике и Сицилии во время восстаний рабов.

В греко-восточных монархиях также сталкиваются богатые и бедные, но тут имеются существенные различия. В III в. до н. э. друг другу противостоят прежде всего греческие иммигран-

ты и эксплуатируемое местное население, которому еще далеко до энергии и классового сознания граждан самой Греции. Во II в. до н. э. эллинизация породила промежуточный класс развитого местного населения в Пергаме и особенно в Александрии, в то время как греки, не добившиеся успеха, оказались низведенными до уровня *автохтонов* (аборигенов. — *Ред.*). Проблема расслоения уже не расовая, а экономическая, местное крестьянство, солидарное с «бедными греками» (ср. «бедные белые» Миссисипи), противопоставлено классам, извлекающим выгоду от режима, царским агентам и земледельцам, и можно увидеть намечающийся конфликт сельских жителей с горожанами, греками и эллинизированными автохтонами, который, по мнению некоторых *(Ростовцев М.И., известный русский ученый)*, до самого конца наложил отпечаток на социальную жизнь античного мира.

В целом общая цивилизация, язык койне́ выработались благодаря распространению греческих черт: относительная легкость установления контактов, широкое использование общего языка, который изучало местное население, чтобы подняться в социальном и материальном плане, тенденция к выравниванию правовой системы и практики семейной и бытовой жизни в соответствии с эллинистическими нормами, почти повсеместно распространенное пристрастие к образу жизни в греческом стиле в городах, чаще всего построенных по принципу Гипподама с прямоугольной планировкой, где встречались одинаково характерные архитектурные сооружения, храмы, булевтерии, гимнасии и палестры, — все это сра-

зу придавало социальной жизни стереотипный вид. (*См. карту распространения эллинизма, с. 62—63.*)

За пределами городов местный элемент вносил некоторое разнообразие, поскольку эллинизация проникала в деревню только очень избирательно. Крестьяне (*лаой*), которые населяют равнину (*хору*), в Египте, так же как и в Азии, слабо воспринимают престижность иноземной цивилизации, от которой им приходится к тому же терпеть одни неудобства: их положение, раньше традиционное, теперь официально регламентировано и часто ужесточается более организованными государственными налоговыми требованиями и эксплуатацией со стороны правящих классов. Они отвечают на это «большим неповиновением», чаще всего пассивной инерцией, привязанностью к своим старым божествам, к тысячелетнему образу жизни, иногда бегством, отшельничеством, которое ведет к разбою, или поиском убежища в храмах и даже открытым бунтам, как в Египте. Трудно говорить о классовом сознании, но нередко в захвате фанатичных жрецов проявлялось национальное чувство: в Египте грека-эксплуататора ненавидят, подчас критикуют (жалобы Птолемея, «затворничество» в Серапеуме в Мемфисе), всегда относятся как к чужому. Только римское господство, поставив греков в ранг побежденных, породит некоторую солидарность против нового иноземца, более требовательного, чем прежний, и явно менее цивилизованного.

Наилучшим образом аспекты социальной жизни, которая переживает процесс становле-

ния, раскрываются в городах. Греки-иммигранты, прибывшие сначала из Македонии и из самой Греции, а затем все больше и больше из Азии, с островов, из Киренаики, даже таких отдаленных областей, как Этолия, Аркадия, Фракия, чувствуют солидарность друг с другом, объединяются в союзы, одновременно профессиональные и религиозные, как воинский союз (наемники Эвмена I в Пергаме). Причиной этого, безусловно, является потребность утвердиться перед местным населением и защитить себя от восточного влияния. Но обращает на себя внимание укрепление такой же солидарности в городах самой Греции, где с конца IV в. до н. э. развиваются «международные» институты (проксения, исополития). Эллинистический век, просвещенный философией, освобождается от односторонности, и гражданин поворачивается к космополитизму. Философы — стоики, киники и эпикурейцы — чувствуют себя гражданами мира или индивидуально свободными, во всяком случае, за пределами полиса. Врачи, мыслители и художники путешествуют в поисках царских дворов и городских элит, которые будут их почитать и оказывать поддержку.

Греки повсюду формируют правящий класс благодаря превосходству в производственных методах, способности адаптироваться, своей активности. Складывается новая ментальность: в IV в. до н. э. во всех странах наследники предприимчивых афинских метеков (иноземцы и вольноотпущенники в Древней Греции. — *Ред.*) также отошли от политики, озаботившись прежде всего материальной стороной

жизни, богатством, карьерой, квалификацией, профессиональной значимостью.

Начинается господство торговца, делового человека *(см. переписку Аполлония и Зенона в Египте при Филадельфе)*, но и технократа, вышедшего из бюрократии: папирусы говорят об успехах, очень современном подходе, административных методах, налогообложении. Знаменитые тексты таможенных законов Филадельфа, указ об амнистии 118 г. до н. э. при Эвергете II, свидетельствуют о зрелости чиновников, их гибкости, изобретательности, деловом чутье: «В ваших инспекторских поездках постарайтесь везде одобрять людей и обеспечивать им лучшие условия; и не только словами, но если крестьяне жалуются деревенским писцам или комархам (старостам) на что-то, связанное с полевыми работами, вы должны провести расследование и положить конец таким действиям как можно скорее...» Несмотря на серьезные недостатки и некоторый упадок в конце этого периода, сформировалась некая традиция, которая будет подхвачена Римом, но по-настоящему принята только в Византийской империи. Военная и прикладная науки тоже достигли прогресса: искусство осады городов и интерес к военным машинам, родившиеся во времена Филиппа II Македонского (и даже Дениса Старшего), вдохновили множество изобретений у плеяды таких светлых умов, как Деметрий Полиоркет, Пирр, Гиерон Сиракузский, Архимед, Филон Византийский. Разбивка лагеря, составление кадастра и эллинистические производственные приемы — весь этот багаж перейдет к римским инженерам.

Эллинизация местного населения ощущается только в городах, поскольку не стоит переоценивать влияния воинов и греческих поселенцев, обосновавшихся на египетской хоре и в поселениях Селевкидов: действительно, именно там, из-за смешанных браков и повседневных отношений, проявляются наиболее выраженные признаки восточного влияния, особенно в религиозной сфере. Не только в столицах, но даже в средних городах, которых немало в государстве Селевкидов, Киренаике и особенно в Малой Азии (Кария, Лидия, Фригия), формируется местная буржуазия, разбогатевшая на торговле, государственных поместьях, банках, ремеслах, средних и малых административных должностях. Эти люди выучили греческий язык, освоили некоторые производственные приемы, заметив пользу профессиональных объединений, и подчас поступали в гимнасии, где распространялись основы эллинизма, — поистине как «покупатели должностей для получения дворянства». Но глубина проникновения эллинизма была разной.

Малая Азия, издавна поддерживавшая контакты с греками и относительно урбанизированная, опережает Сирию, которая благодаря своим городам и портам сама по себе гораздо более развита, чем внутренние территории. Палестина и Иудея неравнодушны к престижу новой цивилизации, несмотря на семитскую идиосинкразию и еврейский национализм: еврейское меньшинство показалось Антиоху IV Эпифану достаточно эллинизированным для того, чтобы он с оптимизмом, который уничтожили Макка-

веи, начал ассимиляцию провинции. Наконец, Египет эллинизирован менее всего из-за диспропорции в численности жителей и очень сдержанной политики властей: отсутствие новых городов (кроме Птолемаиды), частый запрет смешанных браков, презрительное отношение к слишком изменившимся местным жителям, а подчас и настороженность по отношению к ним.

Детально выяснить все тонкости невозможно. Самые блистательные и устойчивые формы цивилизации зародились в крупных столицах — Антиохии, Пергаме, Александрии, и именно там мы будем их исследовать, не упуская возможности бросить взгляд на характерные или более известные полисы (Дура-Европос), где также вырабатывается общий язык *койне*, сильно окрашенный восточными оттенками. Неизменяемость Греции, при постоянных попытках ее возрождения, наоборот, должна изучаться на островах Родос и Делос, в Кирене и, естественно, в Афинах.

Часть II

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ВОСТОК

1. Александрийская цивилизация

В III в. до н. э. при правлении Птолемея II Филадельфа (283—246 гг. до н. э.) и Птолемея III Эвергета (246—221 гг. до н. э.) Александрия становится первым городом средиземноморского мира. Быстрота накопления ее богатства тем более удивительна, что она полностью была построена Александром в 331 г. до н. э.

Расположенный на западной точке дельты и соединенный с Нилом проложенными через него каналами, выходящими к озеру Мареотис, но отделенный от страны трудно проходимыми болотистыми равнинами, город обращен к восточному бассейну Средиземноморья, к Эгейскому морю, югу Малой Азии, где какое-то время господствовали Лагиды.

«Удобства здесь всевозможные: место омывается двумя морями: на севере так называемым Египетским морем, на юге озером Марея, еще называемым Мареотис. Нил пронизывает его множеством каналом, идущих как сверху, так и

по сторонам каналов, по которым прибывает гораздо больше ввозимых товаров, чем по морю, так что озерный порт куда богаче, чем морской; к тому же экспорт товаров из Александрии гораздо богаче, чем импорт» (Страбон, *География*, XV, 1, 6–7).

«Город больше греческий, чем египетский, несмотря на слабо контролируемый приток автохтонов: он находится не в Египте, а на краю Египта, *ad Aegyptum*. Творение царя, он всегда оставался царским городом, административной столицей, резиденцией двора. Он воплощает не всю птолемеевскую цивилизацию, а ее самые блестящие и универсальные аспекты. Эта столица не стоит в стороне от жизни страны, как в настоящее время Бразилия. Это одновременно и торговый центр, куда идут пути из Восточной Африки, Аравии, через Петру из Красного моря, через Копт и порты Миос-Ормос и Беренике, и промышленный центр, где обрабатываются, часто в царских мастерских, местные товары, папирус, лен, и экзотические благовония, пряности, драгоценные камни. Импортируется также сырье, которого не было в Египте: дерево, металлы, шерсть и излюбленные греками оливковое масло, изысканные вина, а также драгоценные металлы, золото, серебро, кожа, олово, позволяющие поддерживать деятельность прославленных мастерских по изготовлению предметов роскоши, металлической посуды, золотых и серебряных изделий. В число экспортируемых товаров входит пшеница в виде земельной ренты в царские амбары. Она занимает преобладающее место наравне с папирусом и благовониями.

Распространение александрийских изделий по всему Средиземноморью подтверждается археологическими находками, и в то же время, как говорит Геронд (*«Мимы»*, 1. 23), «все, что существует и может быть произведено на Земле, находится в Египте». В III в. до н. э. наиболее оживленные связи поддерживаются с Эгейским морем и по нему пути ведут к Греции, островам, Эфесу, Карии, Киликии *(см. папирусы Зенона, управляющего у диойкета Аполлония)*, к сирийско-финикийским портам, Кипру и на 400 км на север. В дальнейшем условия несколько меняются в пользу Сирии Селевкидов, после утраты (198 г. до н. э.) Келесирии, и особенно к очень большой выгоде Родоса, Пергама, Делоса. Но Александрия жила за счет своего превосходства, качества своих предметов роскоши, перераспределения продуктов, поступавших по Красному морю, путь через которое был улучшен при Эвергете II (145–116 гг. до н. э.), а также за счет престижа своей цивилизации. К тому же до 146 г. до н. э. крепли ее связи с Карфагеном и с римским миром: Кампания получала ее товары через Путеолы, и зловещий Веррес караулил в Сиракузах прибытие ее кораблей, чтобы грабить их» (Цицерон, *Верринии*).

«К сожалению, мы не можем по раскопкам составить представление об этом античном городе из-за современных построек и близости подземных вод. Ведущиеся поиски позволяют только уточнить местонахождение царского дворца, Цезариума (начатого Антонием и Клеопатрой и законченного Августом, откуда и его название), и, возможно, могилу Александра. Описания антич-

ных авторов (Афинея, Страбона) — вдохновенные, но не ясные. На месте Александрии, между морем и озером Мареотис, находилась местная деревня Ракотис, она стала народным кварталом нового города. Место было выбрано из-за удобного расположения у моря: два мыса Акра и Лохия, два расположенные рядом острова — Фарос и Антиродос. Соединив Фарос с побережьем с помощью дамбы Гептастады, было создано два порта — Эвностос и Большой порт. Другие работы улучшили морскую безопасность, в частности Фаросский маяк, высотой 110 метров, с тремя подземными этажами и факелом из смолистого дерева, воздвигнутый Состратом Книдским. План города был разработан Дегинократом Родосским, который взял за образец прямоугольную ионийскую планировку, но в грандиозных масштабах, широких перспективах, в сочетании островков застройки и свободных зеленых пространств, в ярусном расположении зданий на площадке, возвышающейся по направлению к югу, чувствуется взгляд самого Александра. Через весь город с юго-запада на северо-восток параллельно побережью проходила центральная улица шириной 30 м. Другие улицы, пересекающиеся под прямым углом, были более скромными, а народные кварталы совершенно не отличались от таких же кварталов других городов. След крепостной стены сохранился не полностью, и невозможно точно определить место выхода нильского канала. План остается отчасти гипотетическим.

Город очень быстро достиг максимальных размеров, два первых Птолемея не пощадили своих усилий. Население насчитывало более

500 тыс. человек, в том числе греко-македонцы, которые составляли меньшинство, десятки тысяч евреев, численность которых увеличилась ко II в. до н. э. из-за преследования Антиохом Эпифаном, египтяне и более или менее эллинизированные арабы. Соседство и тесный контакт этих народов с двором и центрами правления ставило серьезные проблемы снабжения и городского управления. Город был одновременно и царской столицей, и полисом греческого типа, но под строгим надзором.

Население очень сложное по составу: его основная часть — коренные жители, которых здесь просто терпят, но их проникновение расширяется, хотя они и лишены всех прав; затем «александрийцы», или «эллины», большинство которых считалось греками по языку, одежде и внешнему виду, но на самом деле было очень смешанным и состояло из иноземцев разного происхождения, как в любом средиземноморском порте; «бедные греки», без средств, но не без гордости; метисы, даже чистые египтяне, в той или иной степени эллинизированные и достигшие опеределенного социального положения (смешанные браки были запрещены, но в сельской местности их разрешали, и эти люди часто приходили в поисках работы в город); наконец, на самом верху — «граждане», греки и македонцы, элита населения, потомки первых жителей, отпрыски многочисленных иммигрантов, призванные царями, прибывшие из Малой Азии и Сирии; некоторые называли себя «македонцами» — возможно, те, кто находился на царской службе.

Только граждане имели реальные льготы, гражданское состояние, суды, демы, трибы. Надо отдельно отметить признанные иноземные общины, или «политевмы», из которых еврейские — самые уважаемые, многочисленные, богатые, образованные, создавшие еврейскую литературу на греческом языке» *(Септуагинта, Письма Аристея Филократу)*.

Этот город не обладает никакой автономией, поскольку цари опасаются его политической независимости: *буле* (орган управления в древнегреческих полисах. — *Ред.*), созданный Александром, был отменен неизвестно когда, но очень быстро. Таким образом, народ был лишен возможности открыто выражать свое мнение. Засвидетельствовано только два магистрата: экзегет, который «следит за делами, полезными городу» (?) и одновременно является служителем царского культа и (возможно) возглавляет Мусейон, и ночной стратег — своего рода префект полиции, предвосхищающий аналогичных ночных стражей в Риме времен Августа; муниципальный магистрат, по-видимому, назначаемый царем или диойкетом, обязан был поддерживать порядок. Должен был быть еще директор гимнасия *(гимнасиарх)*, но ничто не говорит о его присутствии до римской эпохи. Страбон упоминает также о двух администраторах — гипомнематографе и архидикасте, — но это чисто царские чиновники: сама его ошибка подтверждает, что город находился под строгим наблюдением и управлялся центральными канцеляриями.

Несмотря на эти меры предосторожности, население проявляло все большую и большую

активность, и его политическая роль постоянно росла, хотя и неявно, благодаря ослаблению царской власти после правления Филопатора (конец III в. до н. э.). Растущее число египтян, желающих получить александрийское гражданство и часто неимущих, а также возрастающая роль еврейской колонии были решающими факторами. Неспокойное и вспыльчивое, готовое к слепому гневу, чудовищным жестокостям и коллективной подлости, население, называемое «эллинским», впервые почувствовало свою силу во время страшных волнений 203 г. до н. э., когда оно под влиянием вожаков, которыми манипулировала некая группировка, зверски расправилось со зловещей кликой, окружавшей Филопатора *(Полибий, XV)*. Во II в. до н. э. оно постоянно вмешивается в династические смуты, то принимая сторону Эвергета II против Филометора, то, переметнувшись, поддерживая царицу Клеопатру против ее соперников и т. д. Власть часто опиралась на еврейскую общину, более надежную и признательную Лагидам за то, что они приняли жертв Антиоха Эпифана. В I в. до н. э. римское вторжение вызвало против Авлета ожесточенную ненависть, которая все больше и больше приобретала националистический характер: Цезарь извлек из этого личный жестокий опыт, и в конечном счете александрийцы пожалели о своих правителях, когда римское господство лишило их город роли столицы и «создателя» царей.

«Александрийская жизнь известна нам по произведениям Феокрита, Каллимаха и Герона: одни подчеркивают великолепие царских пра-

здников с их процессиями, пирами, роскошью шелков и драгоценностей, другие — разнообразие религий, контакты греческой мысли и восточного мистицизма вокруг фигур Сераписа и Исиды; Феокрит упоминает в *«Сиракузцах»* оживление и суматоху улиц, доступных любым авантюрам, тогда как Герон выводит на сцену страшный мир низов. Но нам сложно почувствовать атмосферу, зрительно представить ее: народному кварталу Ракотис, пересеченному большой улицей, ведущей в Серапиум, и заполненному разношерстной средиземноморской толпой, снующей между торговыми лавками и магазинами, противостоит Брухейон — деловой, административный квартал с красивыми улицами, парками, садами, знаменитыми памятниками, Мусейоном, библиотекой, гимнасием и мавзолеем Александра, царским дворцом на мысе Лохия и большими, в несколько этажей, сдаваемыми в наем домами, которые позднее были переняты Римом. За пределами еврейского квартала — пригородные ландшафты Канопа — более спокойные и поэтичные, с богатыми виллами, разбросанными вдоль каналов, парками с деревьями и диковинными животными и искусственными «руинами» на небольших возвышенностях: по крайней мере, таков «нильский пейзаж», часто вопроизводимый в мозаичном оформлении и в александрийской и помпейской живописи.

Но для нас эта цивилизация — лишь жанровая картина, иллюстрирующая искусственные элементы некой эпохи, с любопытством наблюдающей за собственным упадком, как это часто предполагалось и утверждалось. Это также на-

ука и литература, блеск которых затмевает легендарную коррупцию города, где Пьер Луис поселил прелестных персонажей своей «*Афродиты*».

Два первых Птолемея, Сотер и Филадельф, испытав влияние Деметрия Фалерского (ученика Теофраста и поэта-эрудита Филета из Коса, учителя Феокрита), хотели на века сделать свою столицу научным и литературным центром мира: Мусейон приютил у себя многочисленных ученых, особенно физиков, врачей и натуралистов, и предоставил в их распоряжение коллекции, материал для опытов и возможность анатомического препарирования, неизвестного в других местах. Эти «исследователи» и множество любознательных образовали плеяду по типу созданной Аристотелем в Ликее в Афинах. Самые крупные ученые жили в Мусейоне или прошли через него, среди них Аристарх Самосский, гелиоцентрическое объяснение мира которого предвосхищает открытие Коперника, и Гиппарх, который составил звездную карту. Эратосфен из Кирены, более разносторонний, создал научную географию, измерил дугу сиенского меридиана. Чтобы определить длину земной окружности, он уточнил хронологию древнего времени (с Троянской войны) с помощью египетских письмен и сочинил дидактическую (астрономическую и географическую) поэму «*Гермес*», которая вдохновила Вергилия и Андре Шенье. Архимед учился и какое-то время работал в Мусейоне, посвятил себя инженерной науке, позднее прославленной в той же Александрии в I в. до н. э. Пансионерами Мусейона были также крупные врачи III в. до н. э. — ана-

том Герофил, открывший циркуляцию крови, и Эрасистрат, который делал опыты и положил основы физиологии. Роль и слава этих учреждений держались долго: в IV в. н. э. в условиях развала многих отраслей науки, математики были достойно представлены Ипатией, поздней наследницей первых александрийцев, Евклида, Аполлония Пергского и, возможно, Гиппарха.

Развитие экспериментальных наук остается славой Мусейона и самой большой заслугой школы Аристотеля, влияние которого через Деметрия Фалерского было решающим. Птолемеи не поощряли философские поиски, направление которых совершенно не соответствовало их автократическому стилю. Но они обеспечивали для гуманитарных наук значительную поддержку Библиотеки, ценного дополнения Мусейона, директора которой — филологи и поэты Каллимах, Апполоний Родосский, Аристарх Самосский и Эратосфен — превосходили директоров Мусейона, скорее администраторов, чем ученых. С ее 700 тыс. единицами хранения (во времена Цезаря) и каталогами, составленными Каллимахом, Библиотека для всех ученых была прекрасным помощником в трудах, впрочем, более полезным грамматистам и эрудитам, чем истинным поэтам и историкам, чей независимый дух, похоже, не притягивал их в Александрию. Грамматическое, семантическое и литературное исследование текстов принесло особенную славу этой школе: многочисленные издания Гомера (с делением на 24 песни), грамматические трактаты и словари, бесконечные комментарии, аннотированные издания схолий (толкований) трагических, эпических и дидактических шедев-

ров прошлого, труды по древней истории египтянина Манефона, и, наконец, греческий перевод Библии семьюдесятью толковниками для тысяч эллинизированных александрийских евреев. Ведущими учеными были Зенодот и Дидим «с бронзовыми внутренностями» (чтобы написать 3500 трудов!), критики Аристофан Византийский и Аристарх Самофракийский. В творчестве сотен авторов, именами которых мы располагаем, было немало мусора, но Библиотека, много раз горевшая и перестроенная, перешедшая в 640 г. н. э. к арабам, сохранила до нашего времени основные произведения античности, дала рождение филологической науке и литературной критике.

Грандиозные мемориальные шествия при Филопаторе (221—203 гг. до н. э.), воздающие в форме живых картин почести Гомеру, указывают на искреннюю благосклонность элит к мыслителям и поэтам, начало этой «героизации через культуру» и близость к Музам (ср. Мусейон, Музей), так часто упоминаемым в романскую эпоху» (A. Marrou, *Mousikos Aner*).

Чистая поэзия, несомненно, страдала и от покровительства царей, и от растущего престижа науки, и от светских и поверхностных вкусов элиты, и от неизбежной нехватки великих умов. Из-за моды и собственного бессилия она отвергала забытые благородные жанры, прежде всего трагедию, спешила найти среди своих лучших произведений краткие и чеканные, даже вычурные, и часто утопала в скучной эрудиции. Каллимах сумел понять поэтическое искусство, отвергнуть условный героизм, «великие ухищрения», он хотел дать новую поэзию в эпоху, обра-

щенную к науке или бесплатным развлечениям; но этого самобытного поэта, талант которого до сих пор не оставляет нас равнодушными, часто жестоко критиковали:

Порода грамматиков, грызуны, скребущие чужую Музу, глупые гусеницы, пачкающие великие творения, шавки, лающие в защиту Каллимаха, о бич поэтов, которые погружают детский разум во мрак, идите к дьяволу, твари, пожирающие чужие стихи!

Автор этих любезностей — соперник Каллимаха Аполлоний Родосский, который в удачных пассажах своей «*Аргонавтики*» рисует, например, зарождение любви между Медеей и Ясоном, но большую ее часть тяжело перегружает эрудицией, которую превосходит разве что почти недоступная для понимания поэма Арата из Солы «*Феномены*». Единственно, кто избежал этих недостатков, — Феокрит и Геронд. Феокрит высоко поднял жанр народных пастушеских песен родной Сицилии и усовершенствовал короткий стих (идиллия), особенно буколический, привнеся в него гораздо больше настоящей поэзии и естественности, чем его последующие и современные имитаторы, которые нанесли ему большой ущерб. «*Сиракузцы*» — это своего рода реалистическая литературная шутка, исполненная вдохновения и блестящей наблюдательности. Изнеженная и тонкая поэзия, которая очаровала изысканный двор цариц Лагидов.

Что касается Геронда с его «нескладными» стихами, скабрезными сюжетами, но с острым взглядом, чувством выразительности и авантюр-

ности, искусством заставить говорить непристойности удивительно типичных персонажей, то он «неотделим от реальности». Его «*Содержатель борделя*», у которого похищают одну из пансионерок, в своей защитительной речи оправдывает свой кусок хлеба перед судом со знанием психологии и естественной науки, достойным Лисия, и с блеском судебного хроникера, любителя рискованных дел.

«И если оттого что он совершает прогулку по морю и его плащ стоит три мины (мина — монета в 100 драхм в Древней Греции. — *Ред.*), в то время как я остаюсь на суше, таскаю на себе свою хламиду и грязные тапки, если этой причины достаточно, чтобы отнять у меня силой одну из моих девиц, то тогда, господа, речь идет о безопасности нашего города. И объект вашей гордости, ваша государственная независимость, будет уничтожена Фалесом»...

«Ты смеешься! Да, я сводник, не отрицаю, меня зовут Баттар, мой дед Сисимбр и отец Сисимбриск — все они держали бордель!...» — « Ах, господа, скажите, что вы отдадите свои голоса не Баттару, своднику, а всем иноземцам, которые живут в вашем городе. Самый момент показать, каково было достоинство Коса, каково Меропа, его предка, какова слава Фессала и Геракла, как когда-то сюда пришел из Трика Асклепий, и почему в этих местах Феба стала матерью Латоны!»

В античности такое исключительное поэтическое вдохновение рождается прямо из уличной жизни и находит отклик в некоторых про-

изведениях искусства, в частности в маленьких бронзовых изделиях александрийских мастеров.

Как правило, об «александрийском искусстве» охотно говорят, но определяют редко и с трудом. Крупные ученые вообще сомневаются в его существовании. Даже в Египте его следы немногочисленны, а с другой стороны, распространение схожих образцов через средиземноморский мир, не говоря о Востоке, вплоть до Бактрии (знаменитое стекло из Беграма), делает практически невозможным поиск того, что может быть подлинно александрийским. Современная тенденция, однако, направлена на то, чтобы верить в истинно оригинальное искусство, рожденное в Александрии, повсюду распространенное и имитируемое.

Это искусство не гражданское, не идеалистическое, как классическое греческое, наиболее выраженные уцелевшие образцы которого находятся в других местах — в Пергаме, на Родосе, Кирене, Афинах *(см. ниже)*. Оно совершенно не испытало влияния Египта эпохи фараонов, несмотря на многочисленные архитектурные сооружения (Эдфу, Филы) или декоративные рельефы, которые правители заказывали египетским художникам, от Мемфиса до Ассуана. «Дворец с колоннами» Птолемея в Киренаике — прекрасный образец архитектуры. Александрийское искусство определяется вкусами столичной элиты, создается по греческой методике и находится в постоянном становлении. Рядом с прекрасными портретами царей и цариц в бронзе и мраморе видное место заняли

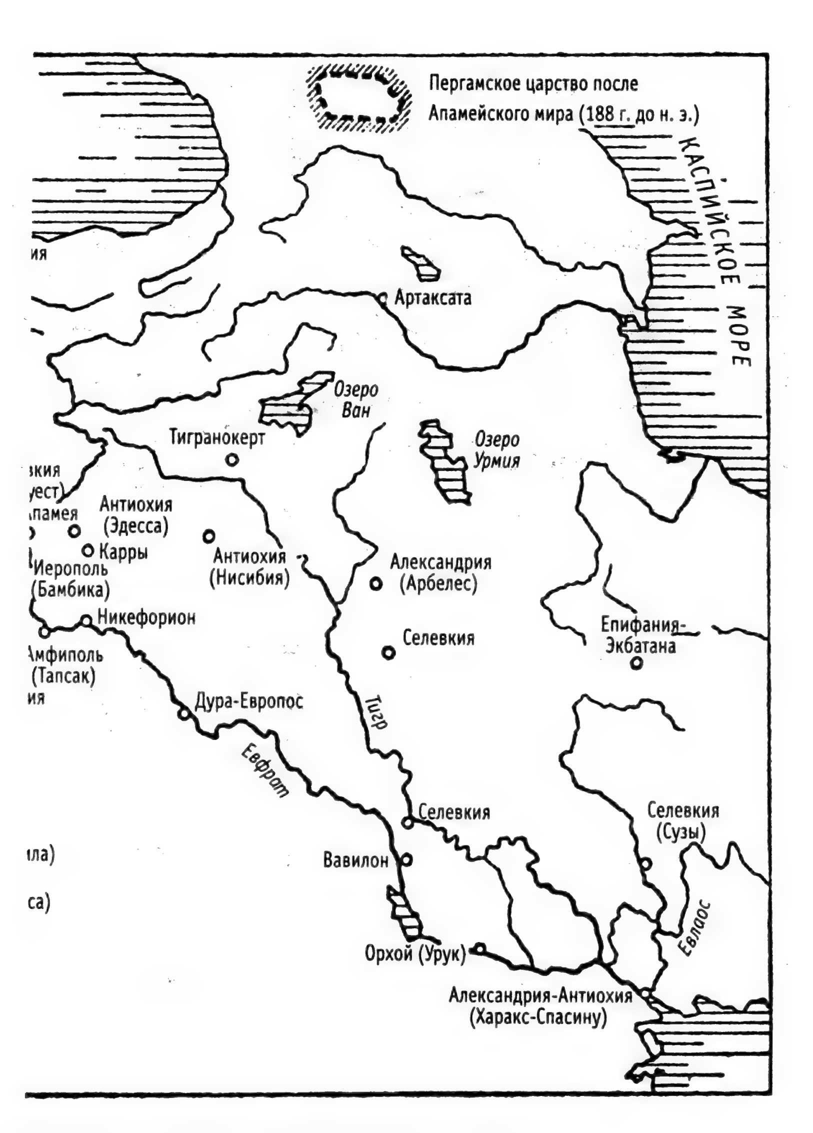
мелкие изделия из бронзы, предметы из металла и стекла, иногда с литыми рельефами, мозаика, украшения из искусственного мрамора, медальоны из гипса и камеи.

Александрийскую технику признают за ее совершенство, высокое качество, которое красноречиво свидетельствует об уровне городских мастерских. Некоторые темы и мотивы типичны, особенно религиозные, порожденные волной дионисийского культа, поощряемого многими царями, в частности Филопатором (конец III в. до н. э.), распространением религиозного культа Исиды в Восточном Средиземноморье, интерпретацией легенд и модных мифов (Геракл). Но имеются и жанровые сцены, где главную роль играют Эрос и Афродита, комедийные и мимические сцены, в живописи и мозаике сцены повседневной жизни, произведения мелких ремесел, портреты рабов и стариков, особенно из бронзы. В целом источники вдохновения очень человечны, лишены условности и отвергают идеализирующий классицизм подчас ради карикатурного реализма. Отыскивая «психологические» корни александрийского искусства, Ш. Пикар подчеркивает, что это придворное искусство, созданное для богатых, озабочено «существованием бедноты и народа», повседневной жизнью рыбаков, старых крестьян, истощенных атлетов, изуродованных карликов, черных рабов. Такой выбор новых мотивов не только был продиктован стремлением к реализму, но и свидетельствовал о гуманистической филантропии, ощущаемой также в успехе братских и общинных религий, таких как культ Исиды.

Сейчас акцентируется внимание (исследования Ш. Пикара, итальянца А. Адриани) на александрийской интерпретации пейзажей — либо в бронзовых рельефах и орнаментах, либо в живописных картинах и мозаиках. Хотя большинство произведений известно по римским копиям (Помпеи, августианское искусство), специалисты могут, благодаря мелким оригинальным предметам (вазы, бронзовые ручки, украшения, миниатюрные рельефы на бронзовых амфорах), с достаточной убедительностью восстановить александрийские образцы и даже попытаться хронологически их классифицировать, к тому же очень детально. Различают три типа пейзажей: живописный, вдохновленный дионисийскими мотивами, — с деревьями, пастухами (влияние идиллий Феокрита), животными, небольшими культовыми сооружениями, амурами, гирляндами из цветов и фруктов; портовый пейзаж — с морем, строениями, возвышающимися в виде амфитеатров, иногда с молами и даже Александрийским маяком; «нильский пейзаж», навеянный городскими окрестностями и Нилом, — с постройками на невысоких холмах, деревьями и цветами, неясными персонажами и фантастическими животными, часто представленными в импрессионистской манере, особенно в помпейских картинах. Александрия, разумеется, не единственный центр, откуда распространялись эти композиции, но в ее влияние верят прежде всего потому, что недавние раскопки начали открывать нам египетские произведения, картины на надгробиях и мозаики. Теперь об этом известно достаточно, чтобы допустить самобытность александрийского искусства, его



Рис. 2. Эллинистические образования (новые,



созданные из колоний, переименованные города)

изощренное богатство, высокий уровень мастерства, тонкое очарование его вдохновения. Вместо того чтобы придерживаться прежней точки зрения об упадке, начинают говорить о «эллинистическом ренессансе» (Ш. Пикар). Его распространение было всеобщим, и отныне без него нельзя объяснять римское искусство времен Республики и периода Августа. Знаменитое рельефное изображение Теллус — Матери Земли на «Алтаре мира» — вероятно, было сделано по александрийской модели с помощью рельефа, найденного в Карфагене и находящегося в настоящее время в Лувре.

II. Города и эллинизация в Азии Селевкидов

Александрия, Пергам и Афины достаточно точно для эллинистической эпохи отражают цивилизацию регионов или относительно однородных царств. Это не относится к государству Селевкидов, обширному, разнообразному, далеко не единому: Антиохия не была ни городом искусства, ни городом философии. Основная заслуга правителей состояла в желании эллинизировать территории посредством урбанизации, которую они проводили активней, чем их соперники.

Создание городов у Селевкидов *(карта, с. 62—63)* объясняется многими причинами. Прежде всего военными — для обеспечения защиты царства от пергамцев и властителей Малой Азии, от иранцев и парфян в Месопотамии и для создания себе в Сирии мощного македонского бастиона. К тому же многие города

являлись гарнизонами и крепостями. Это было вызвано и торговыми причинами, следствием чего стало процветание некоторых центров, расположенных вдоль крупных торговых путей Селевкидов: Эдесса Нисибис на севере, на пути к Верхней Месопотамии и Центральной Азии; Дура-Европос и Селевкия на Тигре в центре, на пути к Нижней Месопотамии, Ирану, Персидскому заливу; Селевкия в Пиэрии, Антиохия, Дамаск на пути к Средиземноморью, в Сирии, значение которой в царстве только возрастало. Наконец, имелись и культурные причины: селевкийские цари, традиционно более близкие к Александру, Лисимаху и Антигону Одноглазому, чем к Лагидам, предполагали объединить территорию, насаждая полисы, которые собрали бы греков, разбросанных по стране, дали бы им возможность вести именно тот образ жизни, который им подходит, и предоставили бы автохтонам лучшие условия существования, возможность подняться выше в социальном плане. Маловероятно, что они хотели добиться «слияния рас», которого не произошло в других местах, но очевидно, что они, как и значительное число их подданных, только городскую жизнь считали цивилизованной.

Количество городов увеличивается во времена первых царей, Селевка I и Антиоха I, с 300 по 261 гг. до н. э., уменьшается при их преемниках из-за политических, внутренних и внешних трудностей, снова растет при Антиохе IV Эпифане (175—164 гг. до н. э.), который казался самым активным сторонником эллинизации. Перечислить их невозможно, по крайней

мере не все они представляют самостоятельные образования, часто это просто слияние деревень или срастание греческих колоний с соседними местными поселениями, а иногда династическое имя просто дается какому-нибудь старому городу.

Три основные группы: 1. От Ефрата до Персидского залива Антиохия — Эдесса, Антиохия — Нисибис, Дура-Европос, Селевкия на Тигре, Селевкия на Евлаосе (Сузы), Антиохия — Харакс, новый Вавилон, новый Урук, получивший название Орхой. 2. В Малой Азии владения зависимые и часто спорные, главным образом это военные колонии с клерухами, организованными в политевмы или в катэкии (более узкого военного характера) и несколько полисов, Лаодикея — Кекавмене («Горящая», из-за залежей ртути), Апамея — Келены (Арка?) и старые переименованные города — Атиохии, Селевкии, Апамеи, Лаодикеи. 3. В Сирии, где многочисленные географические названия были «македонизированы», образовался материальный и моральный центр царства, который в свою последнюю эпоху назывался просто «Сирийское царство»; это четыре крупных города: Антиохия на р. Оронт, Селевкия — Пиэрия, торговый порт и царский некрополь Апамея, крепость и арсенал на среднем Оронте и Лаодикея (Латакия), второй порт царства, также быстро созданный, к которому присоединятся внутри страны Берая-Алеп, Иераполь-Бамбика, Антиохия в Киррестике и Антиохия — Зевгма в излучине Евфрата.

Несмотря на большое разнообразие в деталях, эти образования имели общие черты во всем, что придавало им вид и преимущества греческого полиса: это территория с местными деревнями, находящимися под управлением, землями, предоставленными в виде наделов *(клеров)* греческим жителям. Это и политический статус, который, при полном уважении к царским полномочиям (присутствие эпистата, повиновение указам), поддерживает некоторую автономию в юридической, финансовой, муниципальной областях. Цари допускают, особенно в период своего ослабления, вымогание привилегий, таких как асилия (убежище. — *Ред.*), «священность», «неприкосновенность», которые расширяли личную свободу жителей, защищали их против чрезмерного вмешательства царских представителей.

Городская планировка и образ жизни придают интерес этим городам. Большинство новых полисов, изучаемых и по сей день, имеют планировку в стиле Гипподама с пересекающимися под прямым углом улицами, четко обозначенными островками жилых построек и несколькими более широкими главными улицами, наличием в центре города обширного свободного пространства — агоры, закрытого с трех сторон общественными зданиями, которые всегда одни и те же — булевтерий для совета влиятельных граждан *(буле)*, театр, гимнасий, склады, крытые рынки, храмы. Военные города окружаются крепостными стенами с громадными воротами, имеют цитадель для гарнизона, дворец для стратега или военачальника. Несмотря на различие местных топографических условий (пло-

скогорья и холмы, реки и овраги, речные долины), эти города похожи друг на друга по своему утилитарному замыслу и не выражают никакой заботы о монументальном и декоративном городском строительстве, как пергамские творения *(см. ниже)*. В большинстве случаев это практичные, быстрые и даже незаконченные сооружения.

Если с точки зрения военной и особенно торговой результаты были прекрасные, то в политической области все обстояло сложнее. Насаждая повсюду городскую жизнь, цари ослабляли местную среду, которая мешала их власти: родовые общины, местные династии, храмы-государства, у которых они отнимали часть земель, отдавая их полисам. Вполне возможно даже, по мнению некоторых, что цари хотели сознательно сделать из своих владений конгломерат и федерацию городов, владельцев территорий, управляемых по греческому образцу от царского имени. Увеличение количества муниципальных институтов могло сэкономить расходы на бюрократию по типу лагидской и в какой-то мере компенсировало более низкий уровень администрации страны. Но с другой стороны, богатства городов, получаемые на царской земле, на ней и распределялись. Следовательно, доходы правителя уменьшались, поскольку налоги, выплачиваемые городами (дань, или форос, ввозные пошлины, косвенные налоги) не были равны доходам от ренты царских крестьян. Часто цари облегчали налоги городам и даже субсидировали их строительство. С ослаблением власти они становились более

требовательными, показывая себя верной опорой против Рима или против Тиграна в I в. до н. э. Однако к 150—145 гг. до н. э. образовалось четыре сирийских метрополии, своего рода опасный Союз в поддержку власти Александра Баласа. Антиохия неоднократно восставала.

Лагидам не приходилось терпеть ущерб от стремления их городов к автономии, поскольку они их практически не создавали, за исключением нескольких «преобразований» *(метономасий)* во внешних владениях. Наиболее значительные были в Киренаике: порт Барка вытеснил свой главный город и взял название Птолемаида (Толмейта); Тохейра стала Арсиноей и Евгесперида была заменена на Беренику (Бенгази) в 246 г. до н.э. Но зато Селевкиды не обращают внимания на националистские и крестьянские восстания, которые опустошают Дельту и Фиваиду. Именно города играют важную роль у коренных жителей.

Часть из них, особенно в торговых и основательно эллинизированных регионах, таких как Сирия, пришли жить в города, что объясняет там высокий прирост населения: в Антиохии, где 10 тыс. переселенцев получили в 300 г. до н. э. *клеры*, население к концу периода, возможно, достигло 400 тыс. жителей. Позднее это были греки-иммигранты и особенно сирийцы; население Апамеи, составлявшее вначале 6 тыс. жителей, возможно, превысило 100 тыс. Это коренное население эллинизировалось, живя по греческому образцу в обстановке, которая благоприятствовала их ассимиляции.

Что касается тех, кто оставался в своих деревнях или на царских землях, то они не располагали никакими возможностями, и городская буржуазия тяжело угнетала тех, кто находился у нее в подчинении, что держало их в униженном положении, но вынуждало уважать порядок. Города из классовой солидарности были царскими союзниками против местных крестьян. Но это сильно тормозило эллинизацию, и Селевкиды, которым города сохраняли верность, даже при римлянах никак не могли завоевать деревни, что ослабило их сопротивление. Греческие полисы всегда пренебрегали своими крестьянами, за исключением эпохи свободных демократий (Афины), а чрезвычайная благосклонность к городским элементам объясняет их слабость. Но Римская империя была не лучше, унаследовав в этой области также эллинистические традиции.

Даже в остальных городах эллинизация происходит по-разному и предстает в оригинальном «обличье». Единственная общая черта: греческая религия нигде не навязывала себя старым восточным культам, и официальный политический Зевс часто принимал облик сирийского Хаддада или месопотамского Бела. И в остальном тексты, надписи, ономастика, археологические документы позволяют подчас уточнить реальный масштаб эллинизации.

Самой слабой она была в Вавилонии, поскольку страна в середине II в. до н. э. была захвачена парфянами, и особенно из-за глубокой самобытности старой халдейской цивилизации. Кроме того, Селевкиды поддерживали Вавилон в борьбе против иранского и мазда-

китского влияния. Поощрялись аккадские религия и язык, восстанавливались старые храмы — Эсагил в Вавилоне, храм Набу, сына Мардука (особенно почитаемого в эпоху Ашшурбанипала) в Борсиппе, а также другие в Орхое, в стране шумеров. Долго сохранялась клинопись, во всяком случае, арамейский язык не отступал перед греческим. Сами греки были малочисленными в этих регионах, и им приходилось смешиваться с населением, так как ономастика смешанная. Селевкия на Тигре была в большей степени эллинизирована, несмотря на значительное число местных иммигрантов. Она пережила период настоящего благоденствия при парфянах, которые к тому же были восприимчивы к престижу эллинизма и долгое время не были ни нетерпимыми, ни гонителями.

На восточных границах империи Александра сам завоеватель или Селевк I основали город на крайнем востоке долины р. Окс, в Ай-Хануме, сегодняшнем Афганистане. В центре богатых, хорошо орошаемых сельскохозяйственных земель, вблизи местонахождения залежей лазурита в долине Кокши, неподалеку от караванного пути в Индию Ай-Ханум занимает в районе слияния Окса и Кокши треугольное пространство, опирающееся на востоке на возвышенность и составляющее 1,8 × 1,5 км². На западе нижний город включает громадный дворец с большим парадным двором площадью 137 × 108 м², окруженным 118 колоннами, единственным архитектурным элементом из тесаного камня в сооружении, построенном из необожженного кирпича. Роль столицы к тому

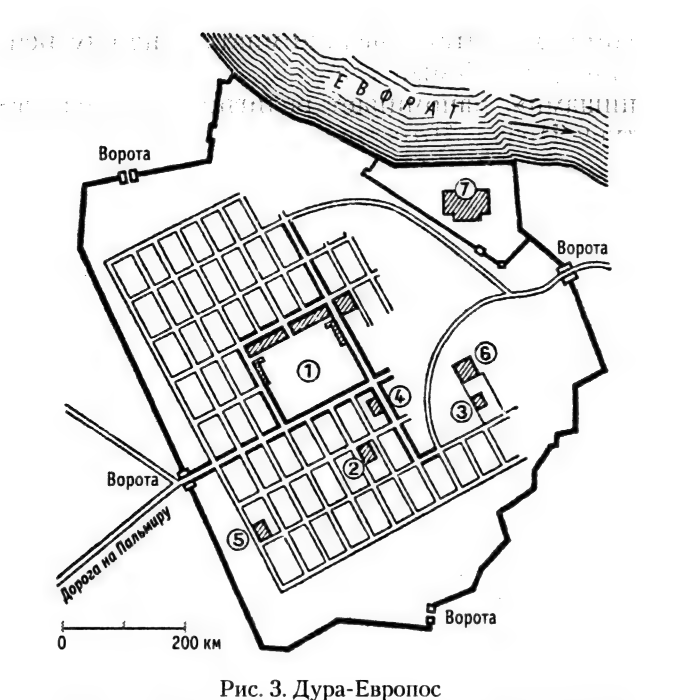


Рис. 3. Дура-Европос

1. Агора; 2. Храм Нанайи; 3. Храм Зевса Мегистоса (Олимпийца?); 4. Храм Гада; 5. Храм Зевса Кириоса; 6. Стратегион; 7. Цитадель

же подчеркивается размерами гимнасия, театра (гораздо большего, чем вавилонский) и арсеналом. Обнаружено также существование двух мавзолеев, один из которых принадлежал Кинеасу, одному из основателей, со стелой, на которой нанесены дельфийские изречения. Эта чисто греческая черта подтверждается также присутствием библиотеки. Ономастика указывает на присутствие греческих поселенцев, а также иранских групп. Центром жилых

домов является общая комната, а не внутренний двор. Самый главный храм, «с резными нишами», напоминает религиозную архитектуру Ирана. Этот город, возможно, имел название Эвкратидия, в честь Эвкратида, бактрийского царя с 170 по 145 г. до н. э., незадолго до того как кочевники установили контроль над регионом и уничтожили Ай-Ханум.

Наиболее известным и самым любопытным примером, несомненно, является Дура-Европос, где раскопки оказались очень плодотворными *(см. с. 72)*. План города чисто селевкийский, с прямоугольным расположением улиц, с крепостными стенами, цитаделью и обширной агорой, окруженной общественными зданиями. Его торговая роль на берегах Евфрата дала ему очень разнородное население и цивилизацию, черты которой сохранятся при парфянах и при Римской империи. Ономастика говорит о слиянии греческих и вавилонских, персидских и сирийских элементов, но со временем влияние женщин страны и азиатское воздействие в конце концов подавили эллинизм, несмотря на внешние западные формы (торговые правила, наследственное право, образование элиты).

Город был основан Селевком I сначала как стратегический центр, затем как торговый. Строительство было тщательно спланировано, но оставалось незаконченным до прихода римлян. Муниципальные институты были греческими — буле, гражданский магистрат (стратег-архонт) и царский эпистат; известны также агораномы, казначеи, «ситофилаксы», отвечавшие

за снабжение. Очень много храмов, посвященных греческим богам (Аполлону и Артемиде, Зевсу Мегисту), и царский культ сохранил священнослужителей до римской эпохи. Простое население составляли, несомненно, македонцы и военные, наделенные «клером», который возвращался царю в случае лишения наследства, согласно пергаменту, найденному при раскопках. Земли вокруг города, разделенные на «гекады» и «клеры», обрабатывались местным населением в пользу граждан, но последние были немногочисленны и терялись в массе более или менее эллинизированных местных торговцев. Искусство Дуры, и религия были разнородны, и здесь особенно сильно проявлялось восточное влияние. Этот город тем не менее просуществовал долго, так же как и греческие формы общественной и интеллектуальной жизни. То же самое, вероятно, относилось к Пальмире, расцвет которой пришелся на римскую эпоху.

Северная Сирия, очень сильно эллинизированная, до конца оставалась центром царства. Антиохия как торговый, политический и культурный центр и самый крупный эллинистический город занимал первое место после Александрии, но без ее интеллектуального и художественного блеска. Она достигла расцвета при Антиохе IV Эпифане (175—164 гг. до н. э.), который расширил ее новым кварталом, устраивал пышные праздники (Дафнийские игры в 167 г. до н. э., описанные Полибием и Афинеем), сделал ее центром царского культа. Он удивлял жителей своими странностями, но льстил художникам, посещая ювелирные мастерские, известные своими работами по золоту и серебру.

«Часто он выходил из дворца без ведома своих министров, в сопровождении одного или двух воинов своего дома и прогуливался по городу, украшенный розами и облаченный в одежду, скрепленную золотой брошью... Иногда он проходил по лавкам ювелиров, граверов и других мастеров и взыскательно изучал их исскусство. То он завязывал на глазах у людей беседу с первым встречным, то бродил от таверны к таверне, выпивая с незнакомцами из самых низких слоев... Однако есть две великие и прекрасные вещи — великолепие городов и культ богов, ради которых он проявлял истинно царскую душу... Он повелел начать строить в Антиохии в честь Юпитера Капитолийского необыкновенный храм, с пышным золотым убранством, со стенами, покрытыми золотыми пластинами. Он затмил всех своих царствующих предшественников пышностью и разнообразием спектаклей, которым придал новый размах, пригласив толпу греческих актеров» (Тит Ливий, XLI, 20).

Основаный Селевком I в 300 г. до н. э., город, расположившийся между горой Силпиос и рекой Оронт, имел крепостную стену, о которой мало известно и которая почти не сохранилась, монументальные ворота и три квартала — два с основания города (один для македонцев и греков, другой — для иммигрантов), а третий на островке на Оронте, созданный Антиохом III Великим для своих ветеранов. Антиох IV Эпифан построил на склонах горы Силпиос квартал Эпифанию для новых жителей и украсил его агорой с булевтерием и храмом Муз. Работы были, вероятно, доверены римлянину

Коссутию (скорее всего, вольноотпущеннику), который следовал планировке Олимпиона в Афинах. Улицы города имели прямоугольную планировку, а главная, очень длинная и широкая, шла параллельно реке. Герод Великий и Тиберий позднее украсили ее великолепной колоннадой, создание которой долгое время ошибочно приписывалось Эпифану.

Несмотря на македонский характер состава коренного населения, похоже, что институты Антиохии, быстро заполненные греками, пришедшими отовсюду, и даже афинянами, были такими же, как в полисах: трибы, буле, коллегия *архонтов* (совместное управление), жрецы царского культа. Чиновники, стратеги и сатрапы, которых в столице было множество, отчасти мешали местной автономии. Греки, гордящиеся своим образованием, объединялись с 246 г. до н. э. в группу тех, кто прошел через гимнасий (папирус Гуроба). Негреки были объединены в политевматы — сообщества, имеющие юридические и религиозные учреждения и магистраты. Самые значительные были сирийские, очень многочисленные, и еврейские, сосредоточенные на юго-западе города, как правило, послушные, но доставившие Эпифану немало забот, когда он вступил в открытое столкновение с Иерусалимом во времена Маккавеев.

Антиохию к торговой активности подталкивало богатство, вкус к роскоши, бурная жизнь. Главное место здесь занимала деятельность, связанная с драгоценными металлами и текстилем. Об интеллектуальной и художественной жизни города известно мало: Антиох III осно-

вал библиотеку и Мусейон, как в Александрии, и поставил во главе поэта Эвфориона из Халкиды. Во времена его правления упоминают эрудита Гегесианакса, философа-стоика Аполлофана. К концу II в. до н. э. Антиох IX, вероятно, тоже создал еще один мусейон и библиотеку. Но нельзя сказать об антиохийской школе ни в литературе, ни в философии, ни в какой бы то ни было художественной области. Знаменитая статуя Тихе Антиохийской, покровительницы этого города, судьба которого представляется более блестящей, чем его заслуги, была творением мастера родосской школы Евтихида. Ее образовательные учреждения по риторике получили международную известность только в римскую эпоху.

III. Пергамский эллинизм

Малая Азия была эллинизирована основательно, хотя и неоднородно. Эгейское побережье, издавна принадлежавшее Греции, переживало новый расцвет в Приене, Смирне и особенно Эфесе, который какое-то время принадлежал Лагидам, затем был конечным пунктом царского пути Селевкидов из Суз в Сарды и, наконец, после 188 г. до н. э. стал пергамским портом, подготовив себе таким образом судьбу столицы римской провинции Азия.

Недавние австрийские раскопки частично восстановили для нас Эфес, воссозданный Лисимахом: старый порт, занесенный песком, и сейчас кроме порта и агоры известно место алтаря Гестии и Пританей, гражданское и религи-

озное значение которого несовместимо со значением торгового центра порта и агоры. Функциональное распределение кварталов, как в Милете с V в. до н. э., похоже, восходит к эллинистической перестройке. Поддержанный Пергамом, развившим здесь чеканку знаменитых монет «кистофор», производя при этом обременительные конфискации у жителей, Эфес стал входными воротами в Малую Азию, и его религия — со знаменитым храмом Артемиды, куртизанами и евнухами — напоминает нам, что мы уже на Востоке. Основание Селевкидами и пергамцами во внутренней части Малой Азии множества городов *(см. карту, с. 62—63)* свидетельствует о развитии эллинизма, подтвержденном современными раскопками и трудами Л. Робера (*Villes d'Asie Mineure*, 1935; *Studes anatoliennes*, 1937; *Documents d'Asie Mineure*, 1987).

Пергамское государство, довольно коварное, возникло в результате предательства Лисимаха Филетером, вероломным хранителем казны. Его старательно возвышали первые цари, оно достигло могущества благодаря римлянам, которые, победив Антиоха III в 190—189 гг. до н. э., уступили Эвмену II согласно апамейскому миру в 188 г. значительную часть Малой Азии — Троаду до склонов Тавра, от Фригии до Тельмесса, за исключением нескольких прибрежных городов, которые были объявлены свободными. Но царство снискало себе признание эллинского мира за свои победы над галатами в 240 (Аттал I), в 182 и в 168 гг. до н. э. (Эвмен II), прославленными, как позднее заключил Цицерон, *sine fine, non sine causa (бесконечно, не без основания).*

Организация и экономика царства не очень хорошо известны, особенно в первоначальный период, перед расширением Апамеи. Несмотря на теоретическую автономию столицы, в которой царь является лишь первым гражданином, на его скромный стиль, в духе Людовика XI, несмотря на разнородность страны, полученной бесславно, и многочисленные внешние трудности, он обладает могуществом и большим богатством. Присутствие старых полисов и нескольких новых, таких как города-храмы, находящихся в подчинении, но при этом крупных собственников, не мешает им владеть большей частью земель, обрабатываемых закабаленным крестьянством. Управляемые стратегами (в Пергаме их пять) и эпистатами, города платят тяжелые подати и частые штрафы, компенсирующие, что любопытно, царские субвенции, которые должны сделать города еще более зависимыми. Производство достаточно организовано, имеются царские монополии (пергамент, текстиль, благовония) и мастерские с рабами. Давние союзники Лагидов против Селевкидов и македонцев, Атталиды берут пример с торгашеских методов египтян, сохраняя при этом аттический эталон и поддерживая тесные отношения с Эгиной, Делосом, Кизиком, Синопом и Родосом. Их серебряные кистофоры ценились очень высоко.

Эллинизм пергамских правителей — реальный, даже искренний, но не бескорыстный. Поддерживая греческое проникновение в борьбе против галатских варваров, они беззастенчиво привлекали сторонников для борьбы

в Малой Азии против других греков. Их городские поселения, малочисленные в отличие от созданных Селевкидами, — это главным образом военные колонии, предназначенные для размещения многочисленных ветеранов-наемников. Они наводнили города Греции своими алтарями и портиками (Афины, Дельфы, Олимпия) и защитили Делос, но в этой политике немало кичливой пропаганды, имеющей целью смягчить ожесточенную ненависть, вызванную союзом с римским врагом. Желание продвигать эллинизм отвечает их потребности в укреплении единства государства и совершенно не мешает им часто проявлять себя жестокими и требовательными «тиранами». Невосприимчивые к урокам стоиков, они навязали своим подданным ярмо, которое для бедноты, крестьян и рабов было невыносимым, как об этом свидетельствует восстание под предводительством Аристоника после смерти Аттала III: защитники эллинизма уступили в 133 г. свое государство Риму, предпочтя свободе своих городов прочный социальный консерватизм латинян.

Но Аттал III дал свободу Пергаму как рабу, которого отпустили на волю по завещанию, что доказывает интерес этих царей к своей столице, которая остается самым прекрасным и на этот раз чисто эллинистическим доказательством их славы. Если на их религиозную политику оказали влияние соседние восточные культы *(см. ниже)* и тот факт, что их предки были из Пафлагонии, а среди их цариц Стратоника из Каппадокии, супруга Эвмена II, то цивилизация, которой они помогали своим

усердным меценатством, была чисто греческой и повсюду вызывала восхищение.

Пергам обладал после Александрии, и видимо, ей в пику, библиотекой в 400 тыс. единиц хранения, в большей степени научных и естественно-математических, чем литературных. Цари писали трактаты по агрономии; не было поэтов, но были ученые, филологи, философы-платоники и почитатели Карнеада. Повсюду предметом ревностной заботы были дионисийские художники и театральные представления. Недавние исследования склонны считать Пергам крупным центром чеканки, но при широком распространении постоянно повторяющихся мотивов часто бывает трудно провести границу между чеканкой александрийской и пергамской. В работе по серебру, которой благоприятствовало богатство рудников Малой Азии, Пергам получил признание, и его металлическую посуду находят вокруг Черного моря, в России, в городах Малой Азии, на Делосе и в Италии. Керамика имитирует лепными рельефами мотивы металлической чеканки, берет за образец «самьенскую керамику» с красным фоном и «мегарские сосуды» и своим происхождением указывает на Ареццо, которое господствует в этом виде искусства на Западе в I в. до н. э., прежде чем его сменит галльское клеймо. С другой стороны, терракоты Мирины, находящейся неподалеку от пергамского порта Элея, не столь изысканны, но более разнообразны, чем терракоты Танагры, в Беотии, достаточно всем известны, как и происходящие из Киренаики.

Искусства, связанные с обработкой камня, свойственные великой греческой традиции, ар-

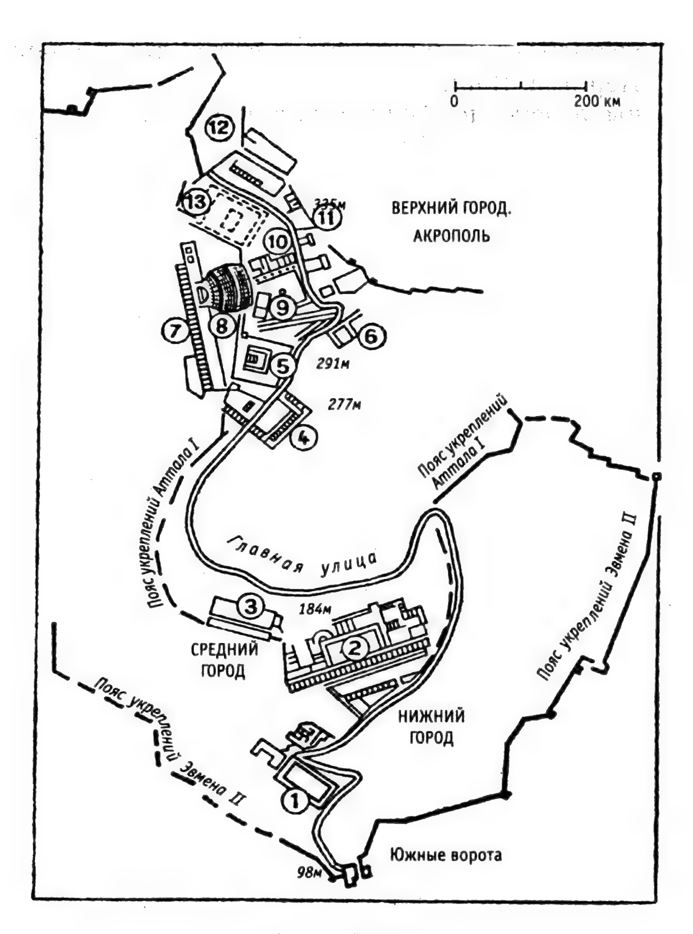


Рис. 4. Пергам

1. Внутренняя агора; 2. Гимнасии, стадион, портик, святилище Геры; 3. Храм Деметры; 4. Верхняя агора; 5. Святилище Зевса и большой алтарь; 6. Героон основателя ?; 7. Театральная площадь и трехъярусный портик; 8. Театр; 9. Храм и святилище Афины; 10. Библиотека; 11. Дворцовые сооружения; 12. Арсенал и склады; 13. Траяний (эпоха Адриана)

хитектуре и скульптуре, составляют славу Пергама. Цари хотели сделать из своей столицы азиатские Афины под покровительством Зевса, Афины Никефорос («победоносная») и Диониса Кафегемона («путеводный»). Они озабочены тем, чтобы «превзойти или хотя бы слегка принизить афинский Акрополь» (Ш. Пикар). Естественный ландшафт был очень красив и давал возможность обороны, высокий холм с крутыми склонами выступал между двух оврагов к плодородной долине реки Каик. Там три города дополняли друг друга *(см. с. 82)*: менее известный нижний город, где вокруг агоры, обнаруженной при раскопках, жила бóльшая часть населения; выше — средний город с общественными зданиями, возвышающимися на площадке, гимнасиями, стадионом, святилищем Геры и Деметры; наконец, верхний город — акрополь, который в настоящее время являет нам самый прекрасный в мире, хотя и разушенный, греческий архитектурный ансамбль эллинистической цивилизации. Это величественный, расположенный полукругом с террасами ансамбль главных сооружений — святилища Зевса со знаменитым грандиозным алтарем, Героон династии, святилище и храм Афины, театр с вытянутой ареной и портик, который доминирует над всем, библиотека и на самом верху — дворцовые сооружения (причем более скромные, чем святилища богов), склады и арсенал. Можно также представить себе весь ансамбль благодаря объемному плану, сделанному в Берлине X. Шляйфом (см. H. Rohde, *Pergamon, Burgberg und Altar, Berlin, 1961*).

Не всегда легко проследить историю этих сооружений, но, кроме самых древних, восходящих к эпохе Филетера и Аттала I, основные приписываются Эвмену II (197—160 гг. до н. э.), который располагал и временем, и деньгами, и определенной идеей и которого, возможно, вдохновил пример строительства Мавсолом в Галикарнасе в IV в. до н. э. Это не просто отдельные замечательные сооружения, как Парфенон, это еще и сочетание с окружающим ландшафтом, размещение зданий на набегающих друг на друга террасах, соединенных главной улицей и монументальными лестницами, иногда дугообразными; все расположено полукругом вокруг естественного углубления, где находился театр. Заметную роль играют портики: вытянутые вдоль укрепленных естественных террас, они во много ярусов поднимаются по склону, их стены соединяются с пейзажем массивными опорами с контрфорсами, которые позволяют избежать однообразия, на нижних ярусах располагаются магазины, в то время как верхние оформлены колоннадами, сквозь которые открываются виды на долину Каика. Ордеры главным образом дорические, а ионические — для верхних этажей, согласно классической традиции, и для небольших зданий. Чисто эллинистическая забота о простоте, подчинение естественным линиям ландшафта, вкус к гармоничным ансамблям, удобным и широко открывающим панораму — таковы черты этой пергамской архитектуры, равных которой в то время не было. Впоследствии она вдохновила строительство Суллы в Риме и Пренесте *(см. ниже)*.

Скульптурное оформление ансамбля также являет нам одну из вершин греческого искусства с большей экспрессионистской смелостью (ярко выраженное наследие Скопаса и Геликарнасского Мавзолея?) и меньшей рационалистической строгостью. Произведения более древние, относящиеся к середине III в. до н. э., фрагменты которых собрал Рим, увековечивая победы, одержанные над галатами (Умирающий галл, Аррий и Пета), и этнографический реализм окрашены здесь мелодраматическим романтизмом. Эта «пергамская школа» известна главным образом по фризу алтаря Зевса с битвой богов и гигантов — классической темой, драматически трактуемой, с превосходным изображением мускулов, драпировок и сильных чувств. Более классический пример — фриз Телефа, также на стенах алтаря, со стороны внутреннего дворика, в честь Геракла, мифического основателя династии. В залах дворца, о котором не известно почти ничего, полы были покрыты мозаиками, как об этом свидетельствует Гефестион, более эллинистическими, чем действительно пергамская, с центральными мотивами и стилизованными бордюрами, украшенными виноградными и акантовыми листьями, разнообразными цветами, кузнечиками и бабочками. Возможно, что художники были сирийцами, которые также работали в Антиохии и Александрии.

Но архитекторы были из Пергама, и, несмотря на то, что сейчас нам их имена неизвестны, репутация у них была такова, что цари посылали их за границу (в Афины, Дельфы) создавать там роскошные портики, которые составили славу их отечества.

Часть III

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ РЕЛИГИИ

I. Новый дух

Политические, социальные и экономические перемены в восточном мире, как можно предположить, оказывали глубокое влияние на религиозную жизнь. Религия граждан, столь процветающая в V в. до н. э. и уже испытывающая кризис в IV в., остается жива, несмотря на почти полную утрату полисами независимости. На самом деле традиции в этих краях очень сильны: в Афинах, в Дельфах, где священнослужители продолжают играть роль посредников в поддержании культа и ведают предоставлением свободы, поддерживается проведение праздников и общественных церемоний, то же самое имеет место и в панэллинистических центрах. Пока еще свободные города верны своим божествам, но религия проявляет признаки застоя. Если по-прежнему и изучаются древние местные легенды, то только ради эрудиции. Образование через афинских эфебов сохраняет свои религиозные корни и консервативный дух. Одним словом, старые национальные культы все меньше и

меньше находят отклик в сердцах людей, которые ищут в других местах более действенных, а значит и победоносных покровителей: цари заменяют богов, поскольку они могущественнее и ощутимее. Греческие города, такие как Афины и Родос, первыми обожествили царей-«спасителей» — Деметрия Полиоркета и Птолемея I Сотера, новых богов, явление которых людям *(эпифании)* было воспринято как божественное пришествие *(парусия)*:

«Другие боги далеко, или у них совсем нет ушей, или их не существует, или они не обращают никакого внимания на наши заботы; тебя же, Деметрий, мы видим даже здесь, и не в дереве или камне, а во плоти» (Гимн 290 г. в честь Деметрия).

Если новый мир благосклонен к сильным, удачливым, беззастенчивым, то он жесток к бедным и одиноким. Множество греков оставили родные края, чтобы, покинув их, перейти на службу к царям в дальних странах. Те, кто преуспел, благодарят Случай, Фортуну, которая охраняла их во времена борьбы и непредвиденных потрясений. Часто Фортуна становится покровительницей новых городов, как Тихе в Антиохии, статуя которой работы Евтихида представлена в очень эллинизированном виде, без какого-либо восточного налета, с классической драпировкой, высокой короной и ногой на покоренной реке Оронт. Этому культу не хватает теплоты, поскольку в него вовлечены те, чьи воззрения глубоко противоречивы, что хорошо объясняет Полибий *(Полибий, «Всеобщая история», пер с греч., в 3-х т., М., 1890—1899)*: это мягкая подушка для скептика *(см. гимн выше)* и

лентяя, которых отталкивает поиск реальных причин. Непостоянная и иррациональная по определению, Фортуна не может быть достойной защитницей, ее призывают, благодарят или проклинают, ее не могут любить, к ней не обращаются с сердечной молитвой.

В мире, где такую большую роль играют деньги и наслаждения, бесчисленное множество бедняков, которые трудятся день и ночь ради обогащения великих, без всякой надежды когда-нибудь подняться, царских крестьян, мастеровых, затерявшихся в космополитических городах, наконец, рабов, которые никогда не были ни многочисленными, ни развитыми. Потребность объединиться странным образом отвечает освобождению личности: только Мудрец, Философ находят в себе силу, необходимую для того, чтобы обойтись без старых культов и создать для себя свою собственную религию, более возвышенную. Простые люди создают союзы, оргеоны, тиасы религиозного толка, братства, скорее сходные с обществами взаимопомощи. Они собираются под покровительством какого-нибудь бога — Посейдона, Гермеса, Зевса, особенно Дионисия, «техниты», «дионисийские артисты» которого повсюду, в Египте, Ионии, Пергаме, главенствуют на театральных представлениях, пантомимах, застольных церемониях, праздниках и официальных процессиях. У этих союзов, организованных по образу полисов, существуют свои кланы, торжественные пиршества, солидарность; нередко объединяя ремесленников, торговцев, они также защищают материальные интересы, как гераклисты из Тира в Делосе. В восточной стране, находясь под защитой Кибе-

лы, Адониса, Исиды и Сераписа, множества азиатских и сирийских Зевсов (Лабрандский, Сотер), они доступны для всех, греков и местных жителей, даже для женщин, иногда для рабов: космополитизм и отсутствие корней помогают установлению контактов, развивают чувство братской солидарности.

Исходя из этого и не забывая об их греческом происхождении (наплыв с VI в. до н.э. и принятие в разгар V, «афинского» века, чужих богов, таких как Бендида Фракийская), эти союзы способствуют распространению восточных культов. Было бы неправильным считать, что греческая религия была открыта только таким влияниям. Иногда очень древним, как об этом свидетельствуют орфики, пифагорейцы, вакханты, Артемида Эфесская и, возможно, мистерии Элевсина. Но завоевание Александрии, образование греко-восточных государств, эллинистической диаспоры и новых религиозных потребностей, о чем упоминалось выше, — все это способствует тому, чтобы эти восточные контакты сделать более плодотворными, разрушить старые народные предрассудки против «варваров» и сломать преграду для многосторонних культов, повсеместно и официально укоренявшихся.

Растущий разрыв между элитой и народными массами благоприятствует развитию всего иррационального, мистического и даже экстатического, безудержного и неистового. Античное дионисийское течение, имевшее место в VI в. до н. э., которому способствовали тираны, возник-

ло снова, став более яростным в своем пламенном «стремлении» к контакту с новыми богами, чужими, магическими и утешающими, которые оказывают мощное влияние на греков, изолированных среди местного населения, как в Египте, в Месопотамии, в деревнях Сирии и Киренаики, в небольших городах, основанных в центре Анатолии. В то время как местное население в этом отношении ничего не получило от Запада, и только некоторые эллинизированные жители довольствуются тем, что вызывают под греческими именами своих прежних богов, согласно тому же принципу, который заставил их эллинизировать собственные имена, доставшиеся от предков, греки, наоборот, были, можно сказать, духовно завоеваны теми, кого победили.

Кроме того, не надо преувеличивать: порвав с антропоморфизмом, *interpretatio graeca* (греческое толкование) господствует в изобразительном искусстве, представленном множеством чужих богов — Исидой, Сераписом, Зевсом Долихеном. Работы Э. Уилла предлагают искать природу культового рельефа, описывая деяния Бога Целителя (фракийский или фригийский всадник Сабазий) по классическим произведениям, прославляющим Геракла или Тесея. Греческие художники придают к тому же классический художественный облик духовному содержанию, развивающемуся под воздействием восточного влияния (статуя Сераписа работы Бриаксия).

Результатом этого является крайняя сложность в деталях. Цари пытались предпринимать различные для каждого политико-религиозные действия. Духовная среда меняется в зависимости от региона, сообщества, от соседства опреде-

ленной святыни, влияния определенных жрецов, традиций определенной художественной школы: один и тот же культ, например Исиды, является в разных «обличьях» в Александрии, Делосе или Афинах, не говоря уже о Помпеях. В целом время работало в пользу единообразия (формирование религиозного койне) и на все более широкое распространение нескольких всеобщих богов.

II. Асклепий и Зевс

Культ Асклепия пользовался особым почитанием, которое стало долговременным. Установленный в Эпидавре с VI в. до н. э., бог-целитель с ручной змеей притягивает толпы народа уже в IV в. до н. э. Доказательство тому — прекрасные сооружения Эпидавра, все из которых относятся к этой эпохе — театры, толос, инкубационный портик (для больных. — *Ред.*). Его растущая популярность измеряется количеством его святилищ (Асклепии), которые, видимо, происходят от созданного в Эпидавре и «работают» в похожих условиях: это одновременно самый греческий и самый унифицированный культ, что заставляет думать об организованной пропаганде. Он призван поддерживать связь с медицинскими школами, находящимися под его покровительством, но ведущими, по крайней мере в Косе и Александрии, обучение научным методом.

Конечно, Асклепий совершал исцеления, иногда мгновенные, и всегда во время храмового сна — «инкубации». Стелы, поставленные

пациентами, свидетельствуют о «чудесах» в буквальном смысле слова, то есть о результатах, трудно объяснимых с точки зрения разума и природы. Но врачи помогают больным и также лечат их на основе науки и физиологии, и в Эпидавр, как и в Пергам, люди идут все больше и больше, чтобы пройти там под божественным покровительством настоящий курс лечения. (Самыми показательными текстами, но относящимися ко II в. н.э., являются *«Священные речи»* Аристида Элия, который провел много времени в Асклепионе в Пергаме).

Этот бог все больше и больше представлялся скорее как утешитель, духовник и немного волшебник, чем просто чудотворец, — за исключением Египта, где его связывали *(см. ниже)* с Сераписом и Имутесом (Имхотепом), больше колдуном, чем волшебником. Достигнув Эгейских островов, Крита, Пергама, Египта и Кирены, он в 293 г. до н. э. дошел до Рима в виде священной змеи и воцарился под слегка латинизированным именем Эскулапа в святилище на одном из островов Тибра.

Религиозный образ Зевса претерпел в эллинистическую эпоху существенные трансформации. Гомеровский Зевс, отец богов и людей, поселившийся на Олимпе, победитель гигантов и соблазнитель смертных, только вдохновляет на создание прекрасных произведений искусства, таких как фриз Пергамского алтаря, который имеет особое политическое значение. Он остается покровителем множества полисов и панэллинистической Олимпии, он хранитель законов, гарант клятвенных обещаний. Но от кон-

такта с Востоком его культ заметно обогащается. До Александра, который, как известно, успешно к нему обращался, Зевс завоевал Египет и стремился прихватить культ Амона в Фивах, по крайней мере в его святилище-оракуле в оазисе Сива, недалеко от эллинизированной Киренаики.

Как правило, монархи предпочитают выбирать в качестве покровителей и основателей их династий других богов — Аполлона, Геракла и Диониса. Но новый успех Зевса связан с тем, что греки, обосновавшиеся в Малой Азии, Сирии, Месопотамии, называют его именем местные верховные божества: Зевс приравнивался к Баалу — небесному божеству грома и дождей, который у греков превосходил Олимпийца.

Известно также бесчисленное множество местных Зевсов: Лабрандский (от Лабранды в Малой Азии), Касиос (от названия горы около Антиохии), Долихен (от Долихии в Северной Сирии). Другие *эпиклесы* (культовые эпитеты) напоминают о его влиянии: Бронтайос (гром), Кераснос (молния), Пантократор (вседержитель), Мегистос (Величайший), Сотер (спаситель), Ураниос (небесный), Гелиос (Солнечный). Ему преклоняются как Ваалу в Финикии, Белу в Месопотамии, Баалшамему в сирийских пустынях, Хаддаду в Дамаске и по всей Сирии.

В Греции, Фессалии, Македонии в классические времена поклонялись Зевсу, известному под именем Теос Ипсист (Всевышний), и это имя было наиболее распространено, поскольку легко отождествлялось с восточными Баалами. Элли-

низированные евреи не остаются равнодушными к этому монотеистическому течению, которое стремится сделать другие божества ипостасями верховного бога. Еврейские колонии в Делосе и Египте призывают Яхве под именем Ипсиста, допущенного в некоторых новых книгах Библии, в переводе александрийских семидесяти толковников, а позднее в «*Иудейских древностях*» Иосифа Флавия. Примечательно, как подчеркивает Ф. Ж. Фестюжьер, видеть эллинистический мир стремящимся с приближением христианской эры к монотеизму, используя своего рода «синкретизм», предвещающий тот, что имел место в III в. до н. э. в Римской империи. В этой сфере создавался и койне — последний, но немаловажный результат завоеваний Александра, который заставил лучше узнать и взаимно повлиять друг на друга людей, идеи и религии. «Римский мир», возможно, допустил распространение христианства, но эллинистическая диаспора его подготовила, тем более что у римлян, не столь поддающихся влиянию восточного синкретизма, империя опиралась на Юпитера Капитолийского и Геркулеса (до Диоклетиана), и таким образом на протяжении многих веков они продолжали сохранять политеизм.

III. Дионис

Но религиозная жизнеспособность эллинистического мира открывает также прекрасные возможности для множества более отзывчивых и восприимчивых божеств, чем Зевс-вседержитель, в частности для Диониса и четы Серапис — Исида.

Классическое противоречие между аполлоническим и дионисийским духом сохраняет некоторую ценность, в том смысле, что в культе Диониса проявляется постоянство греческого менталитета, открытого с VI в. до н. э. восточным влияниям. Дионис, возникший, возможно, в центре Греции, между Беотией и Дельфами, увидел, как ширится интерес к нему, поскольку его культ, коллективный, исступленный и эмоциональный, соответствовал в то же время старым обрядам «куретического» посвящения, свойственным примитивным народам и «корибантизму», «менадизму» Фракии, Севера Эгейского моря (Самофракия и Кабиры), Малой Азии. Наконец, более поздняя легенда, проведя его через восточный мир с его «вакхическим» кортежем менад и силенов, пантер и винограда, вызывающего энтузиазм, обеспечит его всеобщность. Александр был приверженцем его комосов *(вакхических шествий)*, и многие династии считали его своим предком.

Если не настаивать на его эсхатологической роли перед наступлением римской эпохи (обещание счастливого бессмертия, предложенного посвященным в его мистерии), можно считать одной из причин успеха Диониса то, что он являлся источником мистической радости, защитником женщин (которыми до него часто пренебрегали в религиозных культах) и актеров, прежде всего театральных, покровителем всего, что было представлено тиасами «вакхантов». Возвращаясь к политике тиранов VI в. до н. э. (Клисфен Сикионский, Периандр Коринфский, Писистрат Афинский), озабоченных единением народа с его правителями, цари благоприятствуют этому культу,

лишенному всяческой политической окраски, способному собрать толпы во время пышных праздников, например праздник Птолемея Филадельфа в 274 г., подробно описанный Калликсеном (Афиней, «*Пирующие ученые*»): шествие колесниц, ряженых в сатиров, силенов и менад, делегации союзов, большая статуя божества под навесом, увитым плющом, виноградом и гирляндами фруктов, живые картины, иллюстрирующие эпизоды легенды о нем и т. д. Как правило, эти праздники проводились профессиональными актерами культа Диониса, которых поддерживали правители. Большие союзы «технитов» существовали повсюду, в частности самый древний — в Греции, в Афинах, затем в Коринфе «Компания актеров Истма и Немеи»; в Малой Азии самое активное объединение — «Компания актеров под защитой Диониса в Ионии и Геллеспонте», сначала сосредоточенное в Теосе, затем распространившееся в греческих городах и покровительствуемое Атталидами, при Эвмене II и Атталее II. Дионис Кафегемон (Путеводитель) становится династическим божеством пергамских царей.

Возникает бесчисленное множество частных культовых союзов, или тиас. В Афинах они связаны с элевсинскими культами, смешиваются с Иакхом (Вакхом) мистерий, несущим факел посвященных, придающий ему хтонический, погребальный характер. К этим культам присоединяется Аполлоново святилище в Дельфах — там для него сочиняют гимн *(дифирамб)*, несколько строф из которого дошли до нашего времени. Надписи в Малой Азии, в Эфесе, Милете, Приене, Магнесии свидетельствуют об активности смешанных тиас, служащих культам

многих Дионисов в большей или меньшей степени восточного происхождения, связанных с Артемидой Эфесской или с Великой матерью богов Песинунтой (Кибела и Аттис) и особенно с Сабазием во Фригии, поклонники которого также создавали тиасы и предавались священным вакханалиям. В Сирии он, похоже, распространен меньше, но в Египте Птолемей IV Филопатор, возможно, хотел сделать из него великое божество для своих государств и предпринял проверку жрецов и «посвятителей». Сами евреи, согласно некоторым источникам, вероятно, смешивали его с Саваофом (Сабазием) — одним из имен Яхве.

Южная Италия с давних времен была затронута этим культом, отмеченном в Кампании, а также в Этрурии, откуда он в III в. до н. э. перешел в Рим, выйдя в начале II в. до н. э. из своего полулегального положения *(см. ниже)*.

Наконец, дионисийская иконография играет важную роль в сфере искусства. Помимо множества изображений божества с *небрисом* (оленьей шкурой, небрежно закрепленной на плече), мы видим изобилие «вакхических» тем: менады, застывшие в оргиастическом культе (мотив, воспроизведенный в IV в. до н. э. Скопасом), силены и сатиры с *канфарами* (сосуды для питья), несущие *тирс* (жезл, увенчанный сосновой шишкой и обвитый плющом или листьями винограда); виноград, плющ, сосна, пантера — частые декоративные элементы в живописи, мозаиках, вазописи.

В I в. до н. э. было время, когда Дионис едва не завоевал мир вместе с Антонием. Но ему не

хватило значительности и догматической основательности одновременно. Победа Октавия при Актии вернула, не отменяя Диониса, преимущество богам, более подходящим для восстановления политического порядка — Аполлону, Марсу и Юпитеру.

IV. Серапис и Исида

Падение Клеопатры поставило под удар и официальную судьбу Исиды, культ которой, особенно среди народных масс, упрочился в период эллинизма. Роль Египта в религиозном плане не может быть переоценена. На греческих иммигрантов, как когда-то на путешественника Геродота, производила впечатление интенсивность духовной жизни на берегах Нила, мистическая древность богов и их местные особенности. Не привозя с собой утративших цену богов — покровителей полисов, они были склонны, особенно в сельской местности, принимать божества номов. Смешение народов, социальное возвышение эллинизированных коренных жителей, смешанные браки — все это являлось мощными факторами ассимиляции. Если греческое влияние проявляется в некоторых произведениях искусства (могила Петосириса) и в создании египтянами «синодов» эфебов, находившихся, впрочем, под покровительством Осириса, то местное влияние было гораздо сильнее, настолько, что чистые македонцы — таким был знаменитый «затворник» Птолемей из Серапиума в Мемфисе, — взывают к Двенадцати Богам Гераклеополиса, толкуют свои сновидения в египетском духе.

Сильное пристрастие к богам-целителям и оракулам объединяет сообщества: культы Имутеса (Имхотепа), приравненного к Асклепию, и даже чистого египтянина Аменофеса, сына Хапу или Тота — Гермеса. Повсеместное развитие магии подвержено египетскому влиянию: сюжеты амулетов объясняются египетскими папирусами; скарабеи завоевывают мир; демонология, украшая фигуру Анубиса или Агафоса Даймона (Божественный), приведет в римскую эпоху к философии магов и герметике. Вавилонская астрология, усовершенствованная египтянами, а также греческой мыслью, стремится надолго отбросить назад астрономию, так же как магия — медицину.

Египет владел также секретами бессмертия благодаря волшебнице Исиде и ее Царству мертвых, доверенного Осирису. Однако первым богом, привлекавшим всеобщий интерес, является Серапис, культ которого был искусственно введен Птолемеем I Сотером. Стремясь объединить свое царство, и, возможно, не допустить того, чтобы его греческие подданные поддавались влиянию местных культов, он смоделировал величественную фигуру Сераписа, исходя от Осириса (Осарапис = Осирис — Аапис?) и придав ему бородатый и доброжелательный облик, который представляет нам творчество Бриаксия. Откровенно говоря, он становится главным божеством, покровительствущим александрийцам, Серапиум которых будет разрушен только Феодосием в 391 г. н. э., и греки (за исключением местного населения, что показательно) принимают его за пределами страны, во внешних владениях (Кирена, Кипр, острова

Эгейского моря, южное побережье Малой Азии) и еще в большей степени на Родосе, Делосе, даже в Афинах, где ему проложила путь его спутница Исида.

Серапис, в котором сочетаются черты Осириса, Исиды их сына Гора (Гарпократа), — один из верховных богов, как Зевс и Ваалы, утешает и хоронит. Причина популярности Осириса — его египетские корни, присутствие рядом с ним Исиды и его связи с Дионисом, с тех пор как Геродот приблизил его к Осирису. Серапиум в Мемфисе имел некоторые черты дионисийского погребального святилища и по соседству с ним изображение Вакха-ребенка, увенчанного виноградными листьями, окруженного львами и пантерами, свидетельствовало о «поучительных союзах» *(Jeanmaire et Ch. Picard).*

Единственно, кто сделал «блестящую карьеру», это Исида, поскольку она похожа на десятки греческих, азиатских и анатолийских богов. Богиня с «тысячью имен», упоминаемых в виде ареталогий (в Маронее во Фракии и в Кирене), «владычица всего, царица обитаемого мира, звезда морей, грация и красота, богатство и изобилие, истина, мудрость и любовь» (W. Tarn, *Civilis. hellen*, с. 335). Ее лицо, невинное и нежное, спокойное и доброжелательное, воплощает все, что есть вечно женственного, она защищает юных девушек, женщин и матерей и утешает страждущих. Ее почитатели, объединенные в секты посвященных, направляемые истинно верующими жрецами, также «мистически» слу-

жат ее культу, уверенные в познании вечной жизни и ее личном «благословении». Эта братская, общинная и восприимчивая религия достигла на эллинистическом Востоке в I в. до н. э. своего апогея, и повсюду можно было найти следы ее храмов и святилищ. Она долгое время преследовалась в Риме, но почиталась в Помпеях и Карфагене, прежде чем добиться милости императоров и уцелеть, согласно некоторым точкам зрения, в культе Святой Девы...

Часть IV

ПРЕЕМНИКИ ГРЕЦИИ

Эгейское море занимает завидное положение между Древней Грецией, центром, откуда все распространялось и где Афины и Македония не утратили жизненной силы, и новыми странами Востока с их блистательной и сложной цивилизацией. Многочисленность островов не дает возможности создать однородное государство, но Эгейское море было средоточием торговых связей и перекрестком цивилизаций. Только острова Родос, достаточно крупный и с 408 г. до н. э. имеющий единое государство, и Делос, на протяжении веков привлекательный для бойкой торговли, играют заметную собственную роль.

Господство над Эгейским морем оспаривалось Антигонами, среди которых значительных успехов достиг Гонат в III в. до н. э., и Лагидами, занимавшими Кос, Самофракию, Эфес и организовавшими под своим управлением Островной союз, или Союз несиотов. Их ослабление в начале II в. до н. э. вернуло этому региону его независимость. Родос достиг свое-

го расцвета отчасти благодаря союзу с Римом в период между 190 и 167 гг. до н. э., и тогда пришла очередь италийских купцов, которые сделали Делос базой своей деятельности.

I. Родос

Жители трех древних полисов — Ялиса, Линда и Камира — отдают должное синойкизму (объединение в единый полис независимых общин. — *Ред.*), давшему в 408 г. до н. э. рождение городу Родосу в северной части острова. На протяжении IV в. до н. э. город вел сложную политику, лавируя между Афинами, Спартой, Фивами, Персией и Мавсолом Галикарнасским. Александр освободил его от персов, и основание Александрии открыло торговлю с Египтом. Птолемеи стали его постоянными союзниками, а позднее римляне в знак признания за услуги, оказанные против Филиппа V и Антиоха III, выделят ему при заключении Апамейского мира землю в Ликии и Карии.

Жители Родоса, управляемые аристократией мореходов и купцов, честных и осторожных, достаточно дальновидных, чтобы оградить небольшой народ от непредвиденных осложнений, вели политику практицизма: лучше мир, но основательно подкрепленный военной силой, равновесие крупных держав и, главное, свобода морей.

«Остров Родос, богатый торговыми запасами и имевший лучшую из всех греческих полисов гражданскую организацию, был объектом притязаний династий и царей. Каждый старался

привлечь его на свою сторону. Сам он, правильно оценив предполагаемые преимущества, устанавливал дружеские связи со всеми, но по отдельности. Он не участвовал в войнах, которые сталкивали одних с другими. Поэтому ему удалось сохранить уважение каждого из царских представителей и, живя в мире на протяжении долгих лет, использовать его для развития и значительного роста... Так, установив дружбу со всеми династиями, родосцы заботливо оберегают себя от законных притязаний. Тем не менее они проявили некоторую благосклонность по отношению к Птолемеям. Значительную часть денежных средств, полученных от торговой деятельности, они направили на больших кораблях в Египет, и в результате это царство поддержало весь полис» (Диодор, XX, 81—82).

Флот был невелик, не больше пятидесяти судов, но хорошо обученный и содержался в ревниво охраняемых от нескромных взглядов военных портах, таких как в Карфагене. Техническое достоинство судов и экипажей было бесспорным. По памятным надписям известно о профессиональной специализации моряков. На каждом судне были офицеры, лоцман, кормчий, плотник, носовой и кормовой экипажи, врач, лучники, катапультисты, палубные пехотины. Барельеф на стеле в Линде, различимый еще и в настоящее время, дает представление об этих судах. Порты также были замечательно оборудованы: множество обустроенных бухт, плотины, знаменитые доки, склады, не забудем общеизвестный «деигма» — крытый рынок, где были выставлены товары из всех стран.

Родосцы боролись за свободу морей в 220 г. до н. э. против византийцев, которые хотели установить налог на проход из Босфора, и в том же году пришли на помощь Синопу, атакованному Понтийским царем, отправив туда военные материалы, мастеров и ссуду в 140 тыс. драхм. За свободу морей и полисов они выступали и против Филиппа V Македонского, боролись с Римом, который не принимал особенно в расчет дух автономии греческих полисов. Их послы приезжали выступать в сенате против амбиций Эвмена II, которого его роль в войне с Антиохом в 190 г. до н. э. сделала слишком прожорливым: «В нашей миссии для нас тягостно и прискорбно то, — говорили они сенаторам, — что сюда примешивается спор с Эвменом, единственным из всех царей, с кем нас соединяют узы личного гостеприимства, и что нас еще больше задевает — гостеприимства общественного. Впрочем, нас разделяет не различие наших чувств, а сама суть вещей еще более сильных. Мы — свободный народ, в то время как цари хотят все покорить и подчинить своему господству...» —

Вы пытаетесь противопоставить тирании царей свободу очень древнего народа, который прославился прекрасными деяниями, привлек внимание гуманностью своих нравов и литературной культурой (*humanitas* и *doctrina*). Вам следует оказать честь этим покровительством, которое вы оказываете народу, целиком принятому в вашу веру и в ваши сторонники. Города, расположенные на древней земле (матери-родине) не более греческие, чем те колонии, которые они покинули, чтобы обосноваться в Азии.

Пусть варвары, для кого приказы их повелителей всегда были равносильны законам, сохраняют своих властителей, если им это нравится, но греки идут своей дорогой, в духе, подобном вашему. Когда-то своими собственными силами они могли претендовать на Империю, сейчас они хотят сохранить навсегда то, что имеют: им достаточно, чтобы свобода была защищена вашим оружием, не имея возможности сделать это своим...» — «Вам хватит твердости не признать притязаний Эвмена, как отказали вашей злопамятности» *(Тит Ливий, 37, 54, См. Полибий, XXI, 22)*.

Твердость и дипломатическая ловкость родосцев, так же как купеческая честность и достоинство крупных горожан, заслужили всеобщее уважение: разрушенный в 227 г. до н. э. землетрясением город стал объектом широкого движения солидарности, которое восхитило Полибия (V, 88–90) и символизировало на какой-то момент единство эллинистического мира: начиная от царей Понта и Вифинии до Сицилии Гиерона II все полисы и монархии оказывали ему помощь.

Возможно, все сознавали видную роль этого острова, чисто греческого, несмотря на восточное положение, в развитии и распространении эллинизма. Его высоко ценящиеся деньги соперничали с лагидскими и афинскими эталонами, его корабли принимались повсюду, от Синопа до Карфагена и Сиракуз, и его Кодекс морского права, вероятно, составленный в эпоху устных договоренностей, тщательно соблюдался и, похоже, широко поддерживался, посколь-

ку римляне сохранили его след и память о нем в своих более поздних компиляциях (*lex rhodia*, упоминаемый при Антонинах, принятый Византией и Венецией). Но самое главное — Родос всегда, пока не утратил своего могущества, был на острие борьбы против пиратства, ставшего бедствием. Он добился хороших результатов в борьбе против критского пиратства, установив соглашения с полисами, расположенными в восточной части острова, и действуя сообща с Пергамом и Лагидами. Но во II в. до н. э. все это было сломано из-за италийских интересов, к выгоде Делоса.

Основу торговли Родоса составляли прежде всего зерно и вино. Зерно поступало из Египта и регионов Черного моря (Понт, Вифиния, Синоп), с которыми этот наследник Милета всегда имел хорошие отношения; оно перераспределялось по островам и континентальной Греции; благодаря этой торговле жители никогда не испытывали трудностей со снабжением, чем объясняется отсутствие социальных волнений. Вино производилось на самом острове и в его владениях в Карии, разливалось, вероятно, повсюду, поскольку родосские амфоры, часто отмеченные клеймом, были обнаружены во всех средиземноморских странах. Город был также крупным банковским центром и местом транзита и перераспределения части товаров, поступавших с Востока главным образом благодаря связям острова с сирийскими портами. Портовые налоги, составлявшие 2 %, дали в 170 г. до н. э. доход более 1 млн драхм за год.

Социальная жизнь сохраняет ярко выраженный греческий характер. Господствующий класс

состоит из крупных торговцев, судовладельцев, моряков и банкиров — в значительной части настоящих граждан, ревниво относящихся к своим правам и полных истинного патриотизма при исполнении дорогостоящих государственных повинностей. Профессиональные ассоциации, в частности моряков, поддерживали корпоративный дух и чувство солидарности. Однако иноземцы и вольноотпущенники были многочисленны, как в Афинах в IV в. до н. э., и были защищены законом и обеспечены привилегиями в соответствии с их служением в качестве метеков. Надписи сообщают нам о греках из Малой Азии, Сирии, Египта, незначительном числе приехавших из самой Греции и с Запада; нет выходцев из Италии, что показательно: нет никаких сомнений в том, что римская благосклонность к Делосу объясняется отказом родосцев разрешать у себя поселения компаний откупщиков и негоциантов; насчитывается также множество рабов из центральной части Малой Азии и регионов Черного моря.

Античный город, который мог насчитывать 40 тыс. жителей, известен только отчасти, из-за более позднего строительства, особенно средневекового. Он размещался на склоне акрополя, усеянного храмами и садами, и спускался к морю. Улицы пересекаются под прямым углом, как во всех городских образованиях позднее V в. до н. э. (Олимпия, Милет, Приена), и город считался одним из самых красивых в греческом мире. Не ясно, имела ли его архитектура свои особенности, по крайней мере принимать ли как местное изобретение возвышающуюся на юге колонну под названием «родиакон», найденную в Делосе.

Скульптурная школа лучше известна, и, похоже, идет от школы Лисиппа. *«Колосс Родосский»* (бронзовая статуя Гелиоса, покровителя полиса) — технически совершенная фигура высотой 33 м — был воздвигнут учеником этого мастера Харетом из Линда. Литературная традиция (Плиний Старший) и надписи сообщают имена многих художников, произведения которых, рассеянные по нашим музеям, трудно собрать. Можно также признать за ними пристрастие к декоративным группам, иллюстрирующим мифологические сюжеты, безукоризненное мастерство (их искусство изображения драпировки превосходит пергамское), стремление к холодному академизму, несмотря на драматический характер сюжетов — таковы казнь Дирки (*«Фарнезский бык»*) и *«Лаокоон»*, так восхищавший когда-то своей высокопарной патетикой. Возможно, что родосцы принимали участие в работе над Большим Пергамским алтарем. В настоящее время существует тенденция приписывать родосским мастерам *«Нику Самофракийскую»* (II в. до н. э.). Наконец, создатель *«Тихе Антиохийской»*, Евтихид, также был учеником Лисиппа. В целом эти произведения обращены к людям из деловых кругов, консервативно настроенным, любителям прекрасной работы, мало обращавшим внимание на восточный вкус и александрийский экспрессионизм.

Во II и I вв. до н. э. Родос стал важным интеллектуальным центром. Если Посидоний из Апамеи регулярно преподавал там и даже был пританом полиса, его философия не создала школы. Совсем по-другому дело обстоит с риторикой и с всесторонним образованием.

А. И. Марру в своей «Histoire de l'education» настаивает на важности «пайдейи» — образования классического, литературного и гуманитарного типа — в эллинистическую эпоху и отводит школам Родоса первостепенную роль. В середине II в. до н. э. они настолько ценились, что Эвмен Пергамский предложил городу 28 тыс. медимн зерна, доход от продажи которого должен был пойти на их поддержку и развитие. В I в. до н. э., отчасти благодаря Посидонию, который, вероятно, уточнил программы образования по риторике, Родос наравне с Афинами становится одним из крупных «университетских» городов, куда приезжают получать образование греки и молодые римляне. Грамматика, филология соперничают с Александрией, преподавание риторики здесь особенно блестящее, и без удивления отмечают, что родосская школа отвергает азианизм, слишком богатый витиеватыми фигурами, ради аттицизма, восхваляемого Цицероном, который приезжал туда перед Цезарем, в большей степени пуристом и сторонником аттицизма, чем он, послушать уроки знаменитого Молона.

В целом этот привлекательный полис, который, несмотря на близость Азии и богатую торговлю, бескомпромиссно утверждает «преемственность Греции» и ее традиционные ценности, политическую свободу, честность, равновесие и эту «эвномию» (гражданское согласие при уважении хороших законов), прославляемую античными авторами в мире, взбудораженном столь разнообразными течениями.

II. Делос

Этого нельзя сказать о Делосе: остров Аполлона и Артемиды, прежнее процветание которого с микенской эпохи до IV в. до н. э. держалось на святилище самого греческого из богов, в эллинистическую эпоху представляет собой огромный постоялый двор. С 315 г. до н. э. его независимое географическое положение и нейтралитет — лучшее наследие его религиозного признания — отводят ему возрастающую роль в международной торговле: Антигониды, Атталиды и Лагиды оспаривают степень своего присутствия на его территории и соперничают в строительстве одновременно утилитарных и престижных сооружений (агора, портики, храмы). Привлеченные этой независимостью, позволяющей им свободно «работать», италийцы и римляне появились там с 250 г. до н. э. — гораздо раньше, чем *Urbs* (Рим. — *Ред.*) вмешался в борьбу правителей. Его расцвет начинается после 166 г. до н. э.: благоприятствуя с 188 г. до н. э. Пергаму и Родосу, верным, но не всегда слепым союзникам, Рим, после победы при Пидне в 168 г. до н. э., которая принесла ему Грецию и Македонию, захотел вознаградить афинян за их услужливость и одновременно наказать родосцев за сделки с побежденной Персией. Делос был предоставлен Афинам, которые послали туда наместника *(эпимелета)* и колонов *(клерухов)*, изгнали делосских правителей и объявили порт свободным от всех налогов, что за несколько лет, судя по всему без преувеличения, сократило доходы Родоса с миллиона драхм до всего лишь 150 тысяч... Выбор Рима, который, отбро-

сив Родос, разрушил за несколько лет Карфаген и Коринф, был решительным и произошел в тот момент, когда направление торговых путей мешало афинскому возрождению.

Множество причин объясняют эту удачу. 1. Италийцы, находясь на стадии быстрого обогащения и ощущая, как растут их потребности, стремятся широко импортировать (они расплачиваются своими трофеями, поборами, налагаемыми на города Греции, Македонии, а после 123 г. до н. э. и Азии) и владеть, не беря на себя политических обязательств, хорошо расположенным торговым городом. 2. После нового захвата Келесирии восточная торговля достигла главным образом Петры, Дамаска, Антиохии, Берита и Тира, которые находились в пределах досягаемости для Делоса, тем более что сирийские купцы до этого часто наведывались в город, где получали все больше и больше римских предложений. 3. Процветает пиратство, и прежде чем пострадать от него самим, купцы и откупщики покупают у пиратов великое множество рабов для сельскохозяйственных работ в *latifundia* (крупных поместьях) и из-за пристрастия к роскоши богатых италийцев. После ослабления Родоса Крит возобновляет свою активность, и критские главари банд присоединяются к сицилийцам, которые владеют удачно расположенными портами. Наконец, некоторые полуварварские цари Малой Азии (Вифиния, Каппадокия) без колебаний становятся поставщиками рабов за счет собственных подданных. Расположение Делоса, безнаказанность, долгое время поддерживаемая сообщни-

чеством с Римом, — все это превратило остров Аполлона, того самого бога, который гарантировал Дельфам предоставление свободы, в центр работорговли. «Эксплуатация рабов стала очень выгодной и в высшей степени побуждала к лихоимству. Поскольку рабов было легко захватить и неподалеку от Сирии — в Делосе — находился важный и полный товаров рынок, который был способен принять и переправить 10 тыс. рабов в день, отсюда пошла поговорка: «Купец, причаливай, разгружай, продано!» Причиной этого было то, что римляне, разбогатев после разрушения Карфагена и Коринфа, использовали большое число рабов. И пираты, учитывая легкость добычи, возникают повсюду, чтобы захватить рабов и продать их. Этому способствовали цари Кипра и Египта, враждовавшие с сирийцами, и родосцы, которые совершенно не поддерживали с ними дружбу и поэтому не оказывали им никакой помощи. На протяжении этого времени пираты, выдавая себя за работорговцев, продолжали беспрепятственно творить зло» (Страбон. *География*, кн. XIV). 4. Наконец, остров, посещаемый сирийцами и египтянами, становится благодаря италийским банкирам центром распределения (установление «мировых» цен) предметов роскоши, поступающих с азиатскими караванами через сирийско-финикийские порты или через Красное море и Александрию. Предметы традиционной греческой торговли — зерно, вина, масло, керамика и металлическая посуда — казалось, также не нашли благоприятных условий из-за упорной конкуренции Александрии, Родоса и Пергама, непосредственных центров

производства. Короче говоря, Делос, бедный и не имеющий собственного производства, был прежде всего местом транзита, банковского дела и работорговли.

Последствия были серьезными для социальной жизни. Афинские эпимелеты и клерухи никогда не занимали первостепенного положения в Делосе. Здесь практически господствовали компании откупщиков, союзы италийских банкиров и объединения восточных купцов, чего никогда не было в античном городе. Факт тем более поразительный, что полис прекрасно жил до 166 г. до н. э., имея несколько тысяч граждан в числе своих жителей. Уже с 130 г. до н. э. афинские указы, а до них указы администраторов храма Аполлона (иеропов) исчезли. Руководство принадлежит группе, состоящей из афинян, постоянных жителей и корпораций проживающих на острове иностранных купцов — италийцев и греков из восточных областей. Все экономические или посвятительные записи принадлежат этим союзам, правителям Атталидам и Лагидам, иноземным дарителям.

«Римляне, судовладельцы и купцы, которые во время взятия Александрии (гражданская война, завершившаяся реставрацией Эвергета II в 127 г. до н. э.) испытали благосклонность царя Птолемея, божественного Эвергета, посвятили Аполлону статую Лоха, сына Каллимеда, «прародителя» царя Птолемея и царицы Клеопатры, в знак признания его заслуг и благодарности за них» (Надпись, составленная на греческом языке, F. Durrbach, *Choix d'inscr. Delos*, 1, № 105).

Самые крупные корпорации, известные также по местам их собраний, состоят из италийцев — герместов, посейдонистов, аполлонистов, собиравшихся вокруг агоры италийцев, обширной площади, окруженной служебными зданиями и складами, которая предвосхищает знаменитую «Площадь корпораций» в Остии, а также из финикийцев — посейдонистов из Берита и гераклистов из Тира, купцов и судовладельцев, собиравшихся на их базаре, окруженном портиками, святилищами и часовнями, месте собраний и размещения товара. Египетские купцы, вероятно, повинуясь своему правительству, вряд ли создавали такие же сильные союзы, но присутствие их богов говорит об их влиянии. Наконец, находят следы месопотамцев и арабов, вифинийцев и каппадокийцев. Рабов и вольноотпущенников было множество, и последние обладали достаточной силой, чтобы создать союз, располагавший агорой для проведения своих праздников Ларов.

При таком пестром населении город имел оригинальное устройство. Различают множество прилегающих друг к другу кварталов, торговый порт, театральный квартал с узкими переулками, центр со святилищем Аполлона, портики царей Антигона и Филиппа V Македонского и агора купцов. Поднимаясь на юго-восток, за театр, к горе Кинф, где находятся развалины очень древних святилищ (Зевса и Афины), достигаешь квартала иноземных святилищ, которые раскрывают религиозный облик Делоса. Недалеко от Кабирейона, посвященного мистическим богам Самофракии, египетские культы представлены храмами Сераписа, Исиды и Ану-

биса, а сирийские — часовнями и театром, посвященными богам Гиераполя-Бамбики — Ададу и Атаргатису, оргиастические культы и мистерии в честь которых внушали беспокойство наблюдавшим за ними афинянам. Отмечают также, что Рим назначал официального жреца бога Сераписа и в 118—117 гг. до н. э. жреца сирийской богини. Естественно, греческие боги Аполлон, Артемида, Посейдон сохранили свое место. Предназначение некоторых зданий до сих пор не ясно, например святилище Быков. Наконец, Лары, близкие жителям Запада, часто были представлены на фресках богатых домов.

Такой космополитизм не повлек за собой появления местных художников, поскольку основы религии *автохтона* (Аполлон и его легенда) были слишком искажены и затуманены чужеродными наносами. Произведения искусства, найденные на площади, принадлежат сирийцам и грекам. Они не несут никаких следов литературной или философской школы, что невозможно не заметить. Однако Делос сыграл полезную роль, распространяя, главным образом на Западе, жилую архитектуру, которая не лишена интереса, хотя на самом деле нельзя считать ее оригинальной. Дома в Делосе построены по греческим образцам в стиле эллинистической эпохи. Эта эволюция проанализирована в работах Р. Мартена: наиболее показательные раскопки имели место в Олинфе по V в., Колофоне и Приене по IV в., на Делосе по последующим векам до н. э. Остается в стороне изучение домов, расположенных в глубине кварталов, созданных прямоугольным пересечением улиц. В Делосе принимается во внимание не городское строительство, а детали внут-

ренней планировки, поскольку обнаруженные здесь дома — либо бедные постройки на неровных и неудачно проложенных улицах, либо богатые изолированные жилища. Последние более важны с точки зрения исторической эволюции. Как и в Приене, делосский дом, в целом прямоугольный, открывается на улицу через утопленную в глубине дверь и переднюю, имеет разных размеров двор, но в красивых домах, окруженных портиком с колоннами, некоторые портики, выходящие на юг, бывают выше и шире, это «родиакон». На портик выходят жилые комнаты и зал для приемов, ойкос (*oecus*), оформленный более богато. В центре двора водоем, углубленный в землю, украшен мозаикой. Самые красивые из этих строений — Дом с масками и Дом с трезубцем *(см. с. 149)*.

Оформление делосского дома также получило широкое признание: это мозаики на дионисийские темы, как правило, сирийской работы, богато раскрашенные, а также панели с фресками и орнаментом из искусственного мрамора. Декор подчинен архитектуре, там нет фальшивых колонн или пилястров, как в Помпеях; краски яркие и разрезают стены на полосы. Многие римские дома или заселенные италийцами имеют ларарий (ниша для почитания Лар. — *Ред.*), где представлены живописные изображения домашних жертвоприношений, что ценно для понимания римской религии. Учитывая состав населения города, естественно, что эти дома греческого происхождения прижились в Италии, сначала в Кампании благодаря торговым отношениям с портом Путеолы; затем их находят по всей Южной Италии и даже в Риме I в. до н. э.,

а также в Галлии, например в Глануме. Таким образом, в этой части домашнего быта влияние Делоса приобрело всеобщее значение. Возможно, что в народных кварталах, где площадь ограничена, было немало многоэтажных жилых зданий, предвосхищавших те, что появились в Остии и Риме. Но сдаваемый в наем дом в несколько этажей не является чисто делосской особенностью, он появился в Александрии, хотя ничто не позволяет это доказать, кроме нескольких помпейских фресок.

Не обладая престижем в интеллектуальной или художественной сфере, свойственным другим эллинистическим городам, Делос остается по своему космополитизму, смешению рас и религий, по меркантильной и лихорадочной активности и глубокой аморальности своих доходов, одним из наиболее типичных для эллинистической Греции.

III. Афины

Афины тоже достаточно типичны, но совершенно другим образом. Политически город Демосфена утратил свою роль. Он был слишком важен, чтобы Антигониды оставили ему независимость, слишком слаб, чтобы самостоятельно освободиться от их господства. По-видимому, за очень короткий промежуток времени дух города сильно изменился. Через двадцать лет после того, как с трудом был принят указ Александра, постановляющий оказывать городу божественные почести, Афины услужливо бросились навстречу Деметрию Полиоркету и создали культ Антигонидов, которого те совсем не

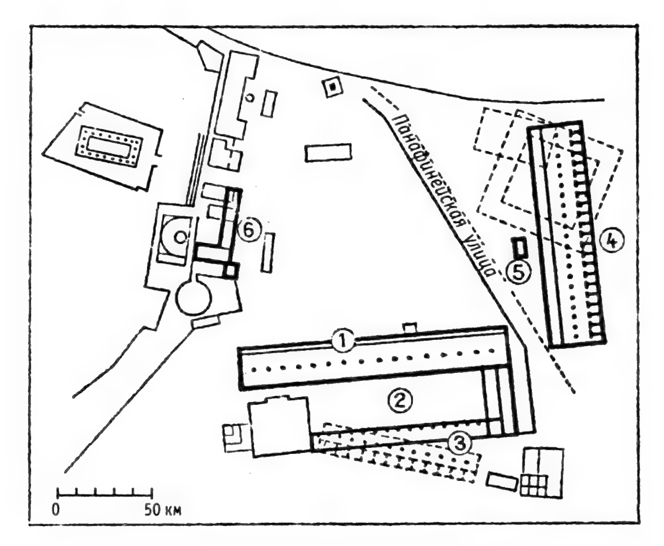


Рис. 5. Перестройка афинской агоры

1. Центральная галерея; 2. Птолемейон (гимнасий); 3. Южная галерея (II); 4. Стоа Аттала II; 5. Трибуна; 6. Метроон А. Панафинейская улица

заслуживали. Но правление Деметрия Фалерского (317—307 гг. до н. э.) принесло вред и возмутило народ. Ученик Аристотеля, друг Теофраста правил «тиранически», хотя и сдержанно, только заменяя радикальную демократию достаточно деморализующим умеренным режимом. В этот период политического и экономического спада в глубине мира, переживающего творческий подъем, одновременно появились на свет «мещанские комедии» Менандра и две крупные философские школы — Зенона и Эпикура. Утратив могущество, Афины готовились познать другую славу, не столь уязвимую.

Тем не менее экономическая роль Афин развивалась. Со своими 21 тыс. жителей (перепись Деметрия Фалерского в 311 г. до н. э.), метеками и многочисленными рабами это все еще был большой город с портом Пиреем. Процветание, замедлившееся с началом тяжелой македонской оккупации в 260 г. до н. э., возвращается к Афинам, начиная с «освобождения» в 229 г. до н. э. и с провозглашения Фламинином в 196 г. до н. э. свободы всех греческих полисов. Афиняне пользуются римским расположением, возвращают в 167 г. до н. э. свои бывшие клерухии — Лемнос, Имброс, Скирос и, естественно, Делос. На рубеже II в. до н. э. здесь имеет очень большое значение торговля зерном для оживления города и самой Греции. Как и в прекрасные времена, Пирей поддерживает тесные связи с производителями с черноморского побережья, портами Понт, Амисос и Синоп, с Киреной и Египтом Лагидов, наконец, с Пергамом, могущество которого растет. Город даже получает нумидийское зерно от царя Масиниссы. В дальнейшем, после 167 г. до н. э., афинские купцы используют торговлю с Делосом и экспортируют оттуда масло, мед и произведения искусства. Их деньги «нового стиля» преобладают в Делосе и даже в городах восточного караванного пути: по крайней мере аттический денежный эталон является эталоном для Пергама, Селевкидов и многочисленных городов. Афинские амфоры в большом количестве распространяются в Греции и на Балканах. Это процветание, прочное, реальное и не внушающее опасения римлянам, продлится до войн с Митридатом. Приняв помощь царя, город будет захвачен и разграблен Суллой в

86 г. до н. э. В I в. до н. э. Афины представляют собой главным образом большой рынок антиков и произведений искусства, которые афинские художники, блестящие мастера, неустанно копируют для богатых римлян, от Суллы до Цезаря и Цицерона, включая Верреса. Корабли, плывущие в Антикифер и Махдию, везли на Запад не только статуи, но и бронзу, декоративный мрамор, настенные светильники, канделябры, дорогую инкрустированную мебель и пр.

Что касается духовности, включая философию, Афины живут своими прошлыми достижениями. Повсюду, где обосновались греки, от Сиракуз до Ай-Ханума (Афганистан) и Птолемаиды на Верхнем Ниле, они распространяют свое образование через гимнасии, проводники греческой культуры. Эфебия, патриотическая система военной и гражданской подготовки молодежи, введенная слишком поздно, когда была утрачена независимость, между Херонеей и смертью Александра (338—323 гг. до н. э.) трансформируется в аристократический метод физического и этического обучения, где спорт, как в британских колледжах, формирует сыновей из хороших семей. За границей, особенно в Египте, где Афины известны лучше всего, грекам позволено сохранять в клубах «Ветераны гимнасия» свои лучшие традиции и «благородно» эллинизироваться молодым местным горожанам. Так в своем окончательном виде сложился гимнасий: комплекс палестр, портиков, залов для занятий или собраний. Ведь эфебы в равной степени проходят курс грамматики, философии и риторики, чему взрослые достаточно часто мечтают научиться до достижения зрело-

го возраста. Афины становятся наряду с Родосом исключительно «университетским городом» и останутся таковым до IV в. н. э. Практически все преподаватели, философы и писатели (кроме поэтов, ученых и врачей) проводят там по несколько лет и с удовольствием туда возвращаются.

Такая «охранительная» роль эллинизма объясняет благоволение царей и римлян. Атталиды много сделали для Афин, которые они украсили и финансировали, как другие панэллинистические центры. Это период, когда определилась прямоугольная агора с монументальными галереями по милетско-ионийскому образцу (Эфес, Приена), как правило, включающему прямоугольную планировку городов (Кирена, Дура) и затем принятому римскими архитекторами. Планировка Афин, довольно хаотическая и незаконченная, приобретает, таким образом, свой монументальный характер с помощью галерей (Южной, Центральной и Аттала II), которые упорядочивают контуры, украшают перспективу, способствуют жизни на открытом воздухе *(см. план на с.119)*. Портик Эвмена подчеркивает основание южной стены, ставшего объектом ревностного туристического паломничества Акрополя, статуи которого, поставленные по заказу, увеличивают загромождение. Наконец, на юго-востоке находится Олимпион (законченный при Адриане), построенный по планам Коссутия, обязанный щедрости Антиоха IV Эпифана; его лес коринфских колонн возвышается, словно настоящий архитектурный манифест.

В области скульптуры, наследницы великих имен IV в. до н. э. (Кефисодот и Тимарх — сыно-

вья Праксителя), работа ведется усердно, и все больше и больше в коммерческих копиях, без особой оригинальности, но с совершенным мастерством. В I в. до н. э. «нео-аттическое» искусство, в частности Аполлония и Пасителя, черпает свое вдохновение в славном прошлом, от архаизма до традиции Лисиппа.

Афины более чем когда-либо остаются столицей философии, чем она обязана главным образом школам, созданным Платоном и Аристотелем, Академией и Ликеем. Философия становится объектом создания обществ, семинаров, где мудрые учителя путем повседневного контакта и совместной жизни неспешно формируют учеников, немногочисленных, но достойных. Каждая школа имеет свои традиции, свои канонические произведения, здания, руководителя или схоларха, верных сторонников и маргинальных ересиархов, а также научные споры с соперниками. Школа Аристотеля, достигшая больших высот с Теофрастом, стоит у источника последующего научного движения, а именно в области экспериментирования и классификации. Школа платоников, утратив немного свою мистическую теократию и первичную геометрию, посвящает себя главным образом критике познания, в чем прославился Карнеад, оказавший впечатление на римлян, после того как в предыдущем веке возник скептицизм Пиррона. Киники, получившие сократическое образование, также создают свою школу, что выглядит для них мало логичным, и провозглашают новый жанр назидания — «диатриб», которому уготовано долгое будущее. Но основные доктрины принадлежат Зенону и Эпикуру.

Стоицизм — философия метеков, обосновавшихся в Афинах, чтобы быть в центре современного движения. Его основатель — Зенон из Китиона (на Кипре), эллинизированный финикиец. Он появляется вскоре после смерти Александра, в 322 г. до н. э., и преподает на галерее Пойкиле на агоре. Среди крупных схоластов, которые приходят ему на смену, самый значительный — Хрисипп из Киликии; основные стоики — киренейцы, азиаты из Малой Азии, даже халдеи, Диоген из Вавилонии, Аполлодор из Селевкии. Эти ученые мужи не занимаются политикой, но предлагают объяснение мира и главным образом аскетическую личную этику: современный «честный человек» уже не Гражданин, а Мудрец. Доктрина имеет множество обоснований, частично греческих, но Бог стоиков, всемогущая мысль которого определяет судьбу людей и вещей и предлагает Мудрецу радостно принять законы необходимости, имеет семитское происхождение. Зато верный великой греческой традиции (Анаксагор и Перикл, Платон и сиракузские тираны, Аристотель, воспитатель Александра), стоик становится советником царей и государственных деятелей и, как позднее иезуиты, утверждается в высших общественных сферах. Бескомпромиссный идеалист, эгалитарист и космополит, суровый к богатым и заботящийся о том, чтобы воздать справедливость бедным и угнетенным, стоицизм вдохновит отважных реформаторов (Клеомен из Спарты, Тиберий Гракх) и революционеров (Аристоник Пергамский и, возможно, восстания рабов в 135—130 гг. до н. э. в Сицилии, Афинах, на Делосе).

«Никогда сильнее, чем в эллинистическую эпоху, не мечтали о потусторонних путях, не искали на земле социального рая» (Ch. Picard, *L'Art et l'Homme*, I, с. 331). Этот «стоический социализм» (Ж. Каркопино) достаточно хорошо воплощает глубокие тенденции данного учения, мистику в масштабах космоса и «прагматичную» этику.

Впоследствии, во времена «Центральной галереи», выявляются различные направления: Панетий Родосский, который работал в Афинах и жил в Риме после Полибия и Сципиона Эмилиана, выдвигает доктрину восточной теологии и удушающего влияния Необходимости. Он настаивает на свободе человека и превосходстве этики, обращенной к действию, — и это обеспечит ему прекрасный прием у римлян. Зато сириец Посидоний Апамейский, который преподавал на Родосе и также посещал Запад, истинный гигант знаний, текстов, педагог и мистик, снова вернулся к восточным космологическим концепциям, настаивал на взаимодействии вещей, принимая всех богов, все культы, астрологию и пророчество и как бы подтолкнул развитие идей. Благодаря разнообразию своих знаний и усилиям охватить совокупность реальности своей «системой», одновременно гениальной и туманной, он, похоже, хорошо представляет мысль своего времени, поворот от II к I в. до н. э., когда поэтический вымысел и вдохновляющий рационализм уносят остатки всех суеверий.

Эпикурейство, наоборот, — полностью греческое и даже афинское учение. Его основатель Эпикур, который купил сад и основал в 307 г. до

н. э. свою школу, где преподавал до своей смерти в 270 г., был афинянин из семьи, эмигрировавшей на о. Самос. Оригинальность и величие его учения состоит в том, что в эпоху нищеты и борьбы, во времена, когда диадохи оспаривают наследство Александра, оно исходит от человека бедного и одинокого, который с юного возраста страдал от тяжелой и неизлечимой болезни мочевого пузыря, не дающей ему ни малейшей передышки, и при этом спокойно утверждал, что человек создан быть счастливым, что он носит это счастье в себе самом и что философия — это не подготовка к смерти, а поиск радости. Но о каком счастье он говорит?

Не о метафизическом счастье, ибо для него познание идет от чувственного восприятия и совершенно не существует за пределами ощущений. Не о коллективном или политическом счастье, поскольку человек должен жить скрытно, без семьи и публичной активности, в стороне от суеты и бесплодного возбуждения. Счастье выражено отрицанием: это отсутсвие страдания, удовлетворение естественных потребностей, которое доступно всем (хлеб, сыр и вода), и душевный покой, атараксия (отсутствие волнений); чтобы достичь его, достаточно знать немного физики, опирающейся на атомистику Демокрита, подправленную гипотезой об отклонении атомов, фактором человеческой свободы, знанием, что Вселенная есть механизм, вечный и бесконечный, и что боги не имеют ничего общего с ее созданием и поддержанием ее существования, а также что наша душа, состоящая из тончайших материальных атомов, смертна, как и тело, с которым она связана, и что, следова-

тельно, страх перед потусторонним миром не имеет под собой оснований (Основные тексты в «Письме Менесею», J. Brun, *Epicure et les epicuriens*, с. 125).

Учение не исследует детально тонкости и довольствуется упрощенными объяснениями, лишь тем, что необходимо, чтобы освободить человека от его страхов и религиозных предрассудков, которые составляли, согласно Лукрецию (*«De rerum natura»*), запоздалому последователю, энтузиасту, в целом сохраняющему верность Эпикуру, причину стольких бед. Освободившись, человек познает счастливую жизнь в компании избранных друзей, разделяющих учение, женщин и даже рабов, поскольку эпикурейство подразумевало не только космополитизм, но и одновременно братство, милосердие и гуманность, чем заслужило уважение материалиста К. Маркса и лояльную оценку А. Ж. Фестюжьера *(«Epicure et ses Dieux»)*. Дружба — основное благо Мудреца, и учитель прожил среди своих приверженцев как мирской святой, вызывая прочные привязанности и оставив тем, кто его знал, память о боге на земле.

«Из всех благ, которые нам приносит мудрость для счастья всей нашей жизни, дружба — в значительной степени самое великое...» «Жизненные необходимости порождают дружбу, тем не менее ее создает и поддерживает именно общность жизни среди тех, кто достиг полноты счастья...» «Дружба радостно ведет свой хоровод по миру и, как герой, призывает всех нас пробудиться навстречу счастью» (Эпикур. *Максимы*).

Простое учение, ясное в принципах, снисходительное и гуманное в применении, очень далекое от того искаженного образа, который его враги придадут ему впоследствии. Менее распространенное, чем стоицизм, который сумел обратить элиты и даже править с Марком Аврелием, эпикурейство прожило так же долго в Греции и даже в Риме. Оно лучше, чем стоицизм, в своем усилии к освобождению воплощает гуманистическое величие эллинизма и своей простотой представляет последнюю поддержку аттицизму на закате его творческой силы.

Часть V

ЭЛЛИНИЗМ ОКРАИНЫ

Мы считаем, что историки уделяют недостаточное внимание проникновению на Запад цивилизации, различные аспекты которой мы обрисовали. Эллинистическая цивилизация проявила себя более завоевательной, чем греческий классицизм, слишком специфический, чтобы быть экспортируемым, кроме прямой колонизации в Сицилии, Южной Италии, в Массалии. Умножая восточные контакты, вырабатывая более широкие обобщения и более гуманный смысл, эллинизм после Александра стал распространяться с новой силой, в тот момент, когда торговые и политические связи больше сблизили оба бассейна Средиземноморья. Так были охвачены более отдаленные регионы — карфагенская Северная Африка и вся Италия, в частности Рим.

Этот вопрос заслуживает особого исследования. Здесь достаточно пробудить внимание, используя общие наблюдения, смягчая результаты обычной узости наших работ и анализируя некоторые открывающиеся аспекты.

I. Отношения между Востоком и Западом

Греки присутствовали на Западе задолго до смерти Александра, но локально с VIII в. до н. э. — в Сицилии и Южной Италии; с начала VI в. до н. э. — в Галлии и Испании, но весьма спорадически; наконец, этруски, сами, возможно, пришедшие из Малой Азии, с VI в. до н. э. поддерживали прямые контакты из Кампании и распространяли по всей своей империи эллинизм с восточным оттенком, главным образом в области религиозной мысли, но иногда и просто через керамику, скульптуру, декор бронзовых зеркал (R. Bloch, *J'art et la civilization etrusques*).

Торговый экспансионизм крупных монархий умножил разного рода связи, начиная с III в. до н. э.: роль Сиракуз, важная уже во времена Дионисия Старшего (405—367 гг. до н. э.), достигла своего расцвета в период правления Гиерона II (275—215 гг. до н. э.). Эпизодически героические вылазки Пирра усиливали контакты между странами, расположенными в центре Средиземноморья, поскольку царь Эпира и даже на короткое время Македонии вел кампанию в Южной Италии, правил Сицилией и хотел распространить свои действия на африканскую землю, подняв таким путем свой престиж до Александра, великого собирателя земель. В Южной Италии это прекрасное время и для Тарента (до 270 г. до н. э.), и для Кампании, которая находилась на скрещении цивилизаций — греческой по градостроительным традициям, частично италийской по своему самнитскому населению, этрусской на протяжении нескольких десятилетий и окончательно обреченной стать романской. В то

же время усиливается богатство ее портов, поддерживающих прямые связи с восточными, прежде всего с портом Путеолы.

Дионисий Старший уже заставил Сицилию широко выступить на Италию во времена своей империи (405—367 гг. до н. э.); в начале III в. до н. э. мамертинцы заняли два берега пролива, от Регия до Мессаны. Наконец, туда на долгий период внедрились карфагеняне, завязав тесные связи с народом западной области, а именно с элимами Сегесты. Эти же элимы расценивались римлянами как «троянцы», которые приняли их Венеру с горы Эрикс и по-братски обращались с Сегестой. Странствия Энея, прибывшего к берегам Лация через Карфаген и Сицилию, с мифических времен проложили дорогу будущим связям.

Откровенно говоря, на Рим оказывается чрезвычайно сложное влияние. До войны с Ганнибалом это медленное и как бы неосознанное проникновение «опосредствованного» эллинизма, где Южная Италия, постепенно завоеванная, этруски, в частности из Цере и Вейи, и даже Массалия, союзница Рима и верная Аполлону Дельфийскому, играют неравную роль. Война с Ганнибалом вследствие страшных предательств развязала «мизэллинизм», насильственный, но скоротечный, на смену которому очень быстро пришел «филэллинизм» Фламиния и Фульвия Нобилиора. С завоеванием Греции, ее освобождением от македонского ига, покровительством, оказанным Афинам, римляне вступают в контакт непосредственно с Грецией, где интеллектуальная жизнь была еще интенсивной. «Поколение 160» (P. Grimal, *Le siecle des Scipions*) быс-

тро впитывает эллинизм, еще близкий классицизму, и черпает его в ближайших источниках — библиотеке Персея, прибывшей в Рим с ахейскими «заложниками» (Полибий), библиотеке философа Панетия. Затем последовало открытие Египта — знаменитое путешествие в Александрию Сципиона Эмилиана, затем Птолемея Эвергета II в 139 г. до н. э., проникновение Делоса через италийских торговцев, разграбление Коринфа в 146 г. до н. э., которое выплеснуло на Рим массу художественных ценностей, Пергамское царство, полученное в наследство в 133 г. до н. э. и Кирена в 96 г. до н. э., где дорическая традиция еще окрашивала классицизмом блестящие дары Лагидов. Войны Митридата предоставили возможность для успешного разграбления, и Сулла вывез из Греции тысячи произведений искусства, а с Востока — политические концепции и каппадокийскую религию. Гражданские войны и сильные религиозные брожения привели, наконец, претендентов на Нил, а затем и к Черному морю, представили Клеопатре Цезаря, посетившего Верхний Нил, а затем и Марка Антония, довели восточное проникновение до самой высокой степени, до реакционного правления Октавиана Августа.

II. Политические влияния

Это прежде всего престиж монархий, явно эффективная, особенно вначале, форма иноземного правления, существовавшая одновременно с полисами Великой Греции (но у нее были свои тирании), с карфагенской торговой аристократией, со старой римской республиканской знатью.

С начала III в. до н. э. Запад был поражен величием Пирра, но его ненасытные амбиции и неспособность вовлечься в какое-нибудь долговременное дело помешали ему оказать сильное влияние: Эпир, уже плохо известный древним, не имел времени стать великой монархией, несмотря на намечающуюся внутреннюю эволюцию к абсолютизму и на действия, проводимые Пирром в Амбракии и Додоне. Этот царь остался главным образом примером того, что может личная *арете* (доблесть).

Гиерон II Сиракузский оказал более глубокое влияние. Наследники прежних тиранов сами были предшественниками эллинистических царей; таков старый Дионисий, ему принадлежала заслуга трансформировать тиранию, узаконив ее, чтобы приравнять к монархиям, и к тому же он взял царский титул. Дионисий главным образом насаждал на Западе методы Лагидов и, по-видимому, позаимствовал у Птолемея Филадельфа знаменитый *lex hieronika*, подразумевавший взимание крестьянской десятины по египетскому образцу, перепись населения и имущества, налоговые контракты, гарантирующие при посевах царскую долю в будущем урожае, исключительную роль откупщиков, приобретающих у государства право повышать налог в определенных отраслях. Его долгое правление показало всем, на что способны, даже на небольшой, но хорошо управляемой территории, эллинистические методы. Сиракузы были одной из крупнейших монополий своего времени, где жили Феокрит и Архимед, их богатство ослепило в 211 г. до н. э. наемников Марцелла. Они ничего не импор-

тировали, поскольку позднее Веррес представил доказательства своего хорошего вкуса, сформированного на красивых вещах в тех же Сиракузах, заставив работать на него чеканщиков города (Цицерон, *Верринии*).

Карфаген, долгое время враг эллинизма, но в какой-то момент союзник Гиерона, не остался равнодушным к его авторитету. Карфагенская торговая аристократия, столь ревностно относящаяся к его господству, с III в. до н. э. все больше и больше подвергалась нападкам больших семей, главы которых брали пример с сицилийских тиранов и восточных царей: Гамилькар Барка, завоевавший Испанию, и Ганнибал имели черты эллинистических правителей: стремление к масштабным действиям, чувство личной доблести, способность заставить служить своим планам то поклонение, которое пробуждали они у народа и солдат. Ганнибал не имеет ничего общего с пуническим торговцем, его психология — это психология греческого героя. Его блестящее образование было подобно образованию царского сына. Он прекрасно говорил и писал по-гречески, сделал своего учителя Сосилоса собственным историографом, подражая примеру Пирра, Гоната и самого Александра. Он был и агрономом, и финансистом, и законодателем, и, похоже, военной технике своих предшественников обучался по греческим трудам. Он почитает к тому же эллинистических богов, таких как Гера из Лация, легко соединяет их с карфагенскими, по соглашению с Филиппом Македонским (*см. ниже*) проводит пятнадцать лет своей жизни в Южной Италии, где, по-видимому,

без труда выкраивает для себя собственное владение, и, наконец, оканчивает свои дни рядом с Антиохом III и царем Вифинии Прусием, нисколько не чувствуя себя чужим, хотя и недостаточно хорошо принятым при этих восточных дворах.

Даже в Риме его победитель Сципион Африканский первым проявил приверженность новым влияниям: занимая незаурядное положение благодаря своей незаконной и скороспелой карьере, испорченный, возможно, культом вождя, распространенным среди испанцев его сторонниками, которые хотели — что показательно — возвеличить его царским титулом. Он позволяет отнести на свой счет удивительные слухи о божественной харизме, возвышающей его действия; патриции из его группировки возводят в 202—189 гг. до н. э. храмы в честь римской Фортуны, явно происходящей от греческой Тихе. Сам он берет в советники Юпитера Капитолийского; будучи проконсулом в Сицилии, Африке, на Востоке, он ведет себя как абсолютный и склонный к пышности монарх и отказывается от возвращения, обвиненный врагами в сведении личных счетов. Это неслыханная позиция для благородного римлянина, которая вызывает резкий протест Катона, но она уже изобличает вкус к *regnum* (царской власти) у первого из *imperatores* (полководцев). У всех государственных деятелей республики, кроме непросвещенного Мария, изолированного и беспомощного перед Суллой и Цезарем, проявляется затем стремление к личной власти; Тиберий Гракх следует урокам стоика Блосса из Кум, как когда-то

Клеомен урокам Сфера; его брат Гай хочет превратить должность трибуна в своего рода «стратега» наподобие Перикла, не располагая необходимой силой. Сципион Эмилиан, судя по очень эллинизированному кругу его друзей (Полибий, Лелий) призван играть роль просвещенного *принцепса*, наподобие стоика Антигона Гоната, в республике, которой угрожали уже с разных сторон, но из наследия эллинистических царей он сохранил только культуру и гуманизм; его политическая инерция говорит об ослаблении прародительских доблестей из-за слишком быстро ассимилированной культуры. У наследников разорившихся родов, воодушевленных сильными страстями — Суллы и Цезаря, таких колебаний не будет: их контакт с Востоком прививает им вкус к личной монархии, основанной на божественной харизме, — этом «предобожествлении» (Ж. Байе), которое достигается благодаря многочисленным жрецам и всячески провозглашаемому покровительству богов, достаточно близких эллинистической Тихе, Венере Felix (Сулла считал, что Венера приносит ему счастье, отсюда этот эпитет. — *Ред.*) или Венере Прародительнице. Замыслы Суллы могли подлежать обсуждению (*см. ниже*), но Цезарь хотел, конечно, создать в Риме монархию эллинистического типа; то, что поддержка галльского Запада позволила ему избежать чрезмерного восточного влияния, как считает Ж. Каркопино, ничего не меняет в глубоких стремлениях, присущих создателю Империи, которому не удалось в день Луперкалий надеть ленту басилеев. Его враги верили, что

Клеопатра подтолкнула его принять Александрию как столицу, что Антоний, неуравновешенный наследник его дела и его любовных связей, возможно, не был обманут.

Политика великих людей не должна заставлять нас упускать менее явные заимствования чисто эллинистических административных форм. Например, в финансовой и налоговой области знание Египта, Сиракуз, затем Пергама сказалось на развитии хозяйства римских провинций, на распространении десятины, увеличении количества договоров с откупщиками. Торговые методы совершенствуются в Делосе, где с восточными ассоциациями соперничают объединения откупщиков и союзы крупных торговцев.

Когда Рим имел провинции, были созданы должности проконсулов, власть которых, и военная, и гражданская, на определенных территориях была подобна власти восточных стратегов, имевших гражданских помощников, как промагистраты с квесторами. В то время они являлись народными избранниками, а не царскими слугами, но сходство выявится позднее: какова разница между *legatus Augusti* (наместником Августа) и царским стратегом?

Повсюду на Западе понимают, какую роль играет городская жизнь в развитии цивилизации. Пирр украшает Амбракию, Ганнибал в 196 г. до н. э. возвышает свое отечество «тираническими» мерами, враждебными аристократии, нумидийские цари Масинисса и Миципса переводят кочевников на оседлый образ жизни, чтобы иметь регулярную налоговую базу, и украшают свою столи-

цу Кирту (Константина) благодаря греческим архитекторам, которых сопровождали ученые и философы. Мавзолеи Дугги, Джерба и Сабрата восходят к мавзолеям эллинистической Азии. К концу III в. до н. э. Масинисса отдает для чеканки денег эллинистический царский венец, отправляет зерно в Афины и Делос и после смерти почитается как бог в своем храме Дугги.

Римская колонизация вначале базировалась, разумеется, на других потребностях. Но после некоторого перерыва в 177—133 гг. до н. э. Гай Гракх, как когда-то в Испании его отец Семпроний, основатель Гракхуриса, предлагает поднять разрушенные города — Карфаген, Коринф и Тарент. Ливий Друз подрывает его популярность, желая создать двенадцать новых городов в Южной Италии, очевидно, чтобы благодаря этому восстановить область, разрушенную Ганнибалом. Вскоре, после реформы Мария в 107 г. до н. э., военачальники захотят предоставить своим ветеранам земельные наделы, как Лагиды, Селевкиды и Атталиды устраивали своих наемников в *катэкии*. К тому же в целом римская армия, после того как в нее допустили *proletarii* (простонародье), стремится стать наемной и воспринимает своих руководителей как подлинных благодетелей и богов, спустившихся на землю. После социальной войны в 91—98 гг. до н. э. Италия будет выковывать свое единство с помощью муниципальной жизни. Город Нарбон будет романизирован как колония первых императоров, наподобие Антиохии и Лаодикеи у Селевкидов. Таким образом, можно считать, что эллинистический Восток лежал в основе урбанизации Римской империи.

III. Эллинистические формы религии на Западе

Пунийцы казались связанными с их традиционной религией, которая имела семитские корни, весьма удаленные от эллинистической мысли. Но недавние работы Ж. Пикара (*Les religions de L'Afrique antique*) выявляют изменения, происходившие в Карфагене начиная с IV в. до н. э. и проявляющиеся в III в. до н. э. Интеграция Тира и его денежного эталона в систему Лагидов, интенсивность связей между Александрией и Карфагеном, непосредственно или через Кирену, присутствие греков в Африке и пунийцев на Востоке (Плавт в своем «*Пунийце*» вновь обратился к известной в Греции теме пунического уличного торговца) — все способствует тому, что древний город Дидоны открывает себя греческим влияниям.

Текст договора, заключенного между Ганнибалом и Филиппом V Македонским, несмотря на все тонкости его интерпретации, показывает, что происходит определенный процесс взаимопроникновения пунических и греческих богов:

«Боги, призываемые Ганнибалом и его приближенными в свидетели их клятв, разумеется, пунические: «Зевс, Гера и Аполлон; Даймон карфагенский; Геракл и Иолай; Арес, Тритон и Посейдон; боги, которые борются с нами, Солнце, Луна и Земля; Реки, Озера и Воды; все боги, кто владеет Карфагеном, все, кто владеет Македонией и остальной Грецией; все боги участвуют в походе» (цитируется по J. Picard, *Les religions de l'Afrique antique*, с. 83–84). Баал-Хаммон и Тин-

нит, по-видимому, отождествлялись с Зевсом и Герой, Мелькарт был Геракл и Хаддад Арес, Эшмун–Иолай и карфагенский «гений» Астарта.

Еще более показательны контакты, установившиеся в связи с культами Деметры и Дионисия, весьма важными, как мы видели, в эллинистическую эпоху. С 396 г. до н. э. в возмещение злосчастного разграбления пунийцы ввели у себя сицилийские мистерии в честь Деметры, богини земледелия и плодородия. Был построен посвященный ей храм, который обслуживали греческие жрецы по греческим обрядам. По наличию ритуальных ваз *(керн)*, предназначенных для ежегодного жертвоприношения в честь первых всходов, был сделан вывод, что в Карфагене праздновалась «Кернофория». Со своей стороны Масинисса вводит у нумидийцев земельный культ *Цереры* (Деметры и Коры), который в эпоху Югурты был, согласно Саллюстию, распространен по всей Африке. После римского завоевания и перестройки города Цезарем культ *Цереры* широко распространился при Империи. Введение Элевсинских мистерий объясняет перемены, происходившие с IV в. до н. э. в погребальных обрядах: традиционное захоронение сменяет кремация, родившаяся в Греции — вероятно, знак веры в бессмертие Души, которую огонь освобождает от плотской оболочки. А может быть, также воспоминание об италийском пифагореизме и астральной эсхатологии?

Культ Диониса, очень популярный в буржуазном семитском городе, но отмеченный сильным восточным влиянием, также укореняется в Карфагене: надгробия представляют собой дио-

нисийский кратер или цисту для мистерий. С другой стороны, недавно было доказано, что финикийский бог, или «даймон», Шадрапа, ребенок-целитель, превращенный в Египте в Гора, вероятно, был связан с италийским Либером, отождествляемым с Дионисом (A. Bruhe, *Liber Pater*). Присутствие кадуцея на надгробиях, носящих «знак Тиннита», указывает на поклонение Гермесу, который был одним из спутников великой богини. Значит, можно допустить пуническую интерпретацию некоторых греческих богов, простое и чистое почитание культа Деметры — одним словом, запоздалую открытость старого города популярным в Греции культам, чему способствовали либо Сицилия, либо Кирена и Александрия, а также присутствие сильной колонии греческих торговцев в самом городе. Националистически настроенная аристократия могла также уступить перед космополитическим напором плебса, увлеченного Баркидами. Пропасть между Римом и Карфагеном, переживающими процесс эллинизации, исчезала: их борьба не была ни крестовым походом, ни противостоянием двух рас или двух цивилизаций, а столкновением двух стремлений к господству.

О римской религии и ее эволюции начиная с IV в. до н. э. все или почти все уже было сказано, и мы будем кратки. Задолго до завоевания Востока римляне повсеместно имели дело с греческими изделиями: через Этрурию, Кампанию и Тарент, наконец, через Сицилию. Напоминая для сведения греческую интерпретацию традиционного Пантеона (Юпитер — Зевс, Юнона — Гера и т. д.), важную для антропоморфизации

латинских *numina* (божественных сил), но мало опирающуюся, разве что в иконографии, на религиозную духовность, отметим прежде всего развитие аполлонизма, так тщательно изученного Ж. Гаже. Но речь идет прежде всего об Аполлоне Дельфском, воспринятым даже этрусками из Вейи, в котором нет ничего эллинистического. То же самое относится к чисто греческой Деметре, более привлекательный образ которой, вероятно, ощутимо повлиял на старую италийскую Цереру, уже эллинизированную в Капуе, и тарентского Геракла, введенного на Бычачий рынок торговцами и «национализированного» (Ж. Байе) в 312 г., при создании алтаря Максима.

Развитие дионисийского культа, драматически разоблаченного знаменитым подавлением вакханалий в 186 г. до н. э., показывает принятие римлянами оргиастических мистерий, слабо согласующихся с древней *gravitas* (суровостью). Но это было прежде всего связано со смешанным населением народных кварталов, с появлением пленников италийских войн, особенно тарентинцев, в период войны с Ганнибалом. Полностью воздавая публичный культ Дионису, римляне долгое время с отвращением относились к чрезмерным манифестациям вакхантов и тайным тиасам. Служение этому культу начал хорошо известный в Риме Лагид Авлет, но смертельный враг города Митридат и, наконец, Марк Антоний с Клеопатрой (Новый Дионис рядом с новой Исидой) в I в. до н. э. подорвали уважение к божеству в официальных кругах: Август был под защитой Аполлона, затем Марса, еще более римского бога.

Зато различные политические условия и переоценка смысла древних легенд беспрепятственно привили культ Кибелы — праматери Пессинунта. Однако необходимо было считаться с пергамским союзом, благодаря чему Рим получил в 204 г. до н. э. бетила (священный камень. — *Примеч. пер.*) из Фригии, доставленный Атталом, и с «троянской легендой», известной издавна, но воскрешенной во времена Пирра, чтобы объяснить, почему эта «берекинтянка» (Вергилий) была торжественно интронизирована на Палатинском холме в такую великую эпоху. К тому же ее священнослужители-евнухи были заперты в своем храме, а ее спутник Аттис, оскопление которого задело римскую стыдливость, был воспринят в Империи только первое время.

Наконец, из Египта, главным образом начиная с I в. до н. э., среди народа распространились культы Сераписа и Исиды, долгое время вызывавшие подозрение из-за их экзотичности. Было очевидно, что культ Исиды менее эллинизирован. Главная роль принадлежала на этот раз торговцам из Делоса и порта Путеолы: Помпеи имели свой храм Исиды гораздо раньше Рима, где исидийские братства, смешавшиеся более или менее искренне с политическими клубами (*collegia*), много раз запрещались до Империи. Еще из Египта, а также из Ионии и Южной Италии идут благодаря политическим волнениям и бесконечным гражданским войнам в 49—31 гг. до н. э. проявления чуждого «мессианизма», заметного в политических пасквилях и *IV «Эклоге»* Вергилия: старые откровения, касающиеся Золотого века Сатурна, воскрешенные этрус-

ским «милленаризмом» (секулярные игры) и «сивиллинизмом» (Эритрея, Кумы) волнуют умы, пророчествуя о рождении Божественного младенца, который спасет мир. Не настаивая на вере в этих божественных Детей (Дионис, Гарпократ, Гор, Шатрапа) к концу этого периода, можно только удивляться восточному оттенку этих тенденций, в тот момент, когда сам иудаизм, эллинизированный или нет (рукописи Мертвого моря), пребывал в состоянии мессианского ожидания.

IV. Общественная мысль и искусство

Следует прочитать замечательные страницы, которые П. Грималь (P. Grimal, *Le siecle des Scipions*) посвятил проникновению в Рим образования и эллинистической мысли. Несмотря на усилия, иногда плохо понятые современниками старого Катона, ясно, что его соперник Африканец, устраненный в 189 г. и умерший в 183 г. до н. э., одержал победу посмертно: политическую только во времена Суллы и Цезаря, но гораздо раньше — в области образования. В то время как философы и греческие риторы изгоняются из Рима сенатом, что уже говорит об их влиянии на молодежь, в частных домах римской знати воспитателями и учителями, требующими больших расходов, распространяется новый тип образования *(пайдейя)*, введенный в Греции. П. Грималь подчеркнул значение двух событий: доставку в Рим библиотеки Персея, наследницы библиотеки Александра, основанной Аристотелем и продолженной Гонатом, в 169 г. до н. э. после победы в Пидне (единствен-

ная добыча, которую сохранил для себя победитель Эмилий Павел для образования своих сыновей, в том числе будущего Эмилиана) и сенсационные выступления академика Карнеада в 155 г. до н. э. Тот же автор дал эллинизированному менталитету «поколения 160», окружавшего Полибия и Сципиона Африканского, точный анализ, на который мы снова ссылаемся.

Прочитайте также тексты, данные в приложениях того же самого издания, — «*Le siecle des Scipions*», в частности, о юности Сципиона Эмилиана, его отношениях с Полибием: «В том, что касается литературы, говорит Полибий, — которой вы, ты и твой брат, предаетесь с таким пылом и рвением, у вас нет недостатка в учителях, которые дадут вам эти знания; поскольку со всех сторон хлынули в Рим ученые из Греции. Но я думаю, что для этой активной и воинственной жизни, относительно которой ты строишь иллюзии, ты не сможешь найти советника и проводника более достойного, чем я» (с. 198).

Чем вновь обращаться к этим блистательным страницам, посвященным воспитанию римского духа, освященного милостью богов с первой половины II в. до н. э., лучше исследуем более сложные аспекты, которые принимает эллинизм во времена Суллы, между 100 и 80 гг. до н. э. Это был, возможно, период, когда Рим больше всего был похож на эллинистический город. Сулла, глубокий знаток Востока, начиная с Афин, которые он разграбил, до Троады, где он подписал с Митридатом Дарданский договор, и Каппадокии, откуда его солдаты принесли сильный культ богини Ма, почти создал

в Риме монархию типа пергамской, ловко устанавливая старый порядок к своей выгоде вечного диктатора, защищенного Фортуной и Венерой и объявившего себя «Счастливым» (*Felix*, по-гречески Эпафродит) — настоящий абсолютный монарх, без повязки. *Nobilitas* (аристократы) достаточно осознавали опасность, чтобы отказаться от этой процедуры, но если рассматривать пристально состояние мысли и искусства того времени, теория Ж. Каркопино о его «несостоявшейся монархии» приобретает новую достоверность.

Это время, когда профессия адвоката достигает первых больших успехов благодаря Гортензию, «красноречие которого пышное, образное, гармоничное, и увлекает (обладает) блестящими качествами греческой школы Малой Азии» (J. Bayet, *Litt. Lat.*, с. 178). К тому же риторику в Риме уже преподают со времени школы Плотия Галла, открытой в 94 г. до н. э., и вдохновленного греком Гермагором учебника *«Риторика для Геренния»*. В эти годы сформировались взгляды Цицерона (родившись в 106 г. до н. э., он приобрел известность при Сулле), одновременно глубоко римского по своему характеру и восприимчивого к азианизму, который он упорядочил под влиянием учителей с Родоса, куда отправился в 77 г. до н. э. Театр, имевший столь большое значение в предшествующем веке во времена Плавта и Теренция, пребывал в упадке, но влияние александрийской литературы начинает приносить первые плоды с эротичным Левием и грамматом Валерием Катоном, который, возможно, оказал воздействие на Катулла, родившегося в 87 г. до н. э.

Среди философских школ того времени римляне предпочитали «Академию» и «Среднюю Стою», сочетание которых определило цицероновский эклектизм. Панэций, озабоченный обоснованием необходимости свободы для деятельного человека, преподавал как раз тогда, когда Полибий разъяснял римлянам их собственное величие, «прагматическую» ценность истории. Его влияние быстро расширило ограниченное ви́дение древнего летописания. Не говоря о более позднем Саллюстии, которого вдохновили «греческие образцы» Фукидида, признавалась мысль Полибия в Предисловии к Семпронию Аселлону, вероятно, написанном приблизительно между 110 и 91 гг. до н. э., где он первым и добросовестно применил к изложению современной ему истории своей страны новые методы:

«Между теми, кто оставил Анналы, и теми, кто пытался писать римскую историю, существует абсолютное различие; анналисты только рассказывали то, что происходило каждый год... но мы, мы не довольствуемся изложением того, что случилось, мы хотим еще и показать, почему и как это произошло... Поскольку Анналы совершенно не могут ни побудить защищать государство, ни подавить желание причинять вред. Писать, при каком консуле началась такая-то война, при каком она закончилась, кому она принесла триумфальный въезд, что там произошло, не упоминая указы сената, проекты и голосования законов, не обращаясь к обсуждениям и решениям, которые предшествовали действиям, — это рассказывать детские сказки, а

не писать историю» (J. Bayet, с. 158). Очень ощутимый полемический тон ясно указывает, что автор совершает революцию, значение которой он предвидит.

Во времена Суллы Посидоний, приехавший в Рим в 86 г. и умерший, вероятно, в 51 г. до н. э., является воспитателем интеллектуальной элиты. Его влияние, которое трудно переоценить, представляется значительным в силу его универсальности, и, если опираться на творчество Цицерона, который был его слушателем, в конце *regnum* (царствования) Суллы он открыл римлянам представление об эллинистической культуре. Ее восточный оттенок и суеверия были отвергнуты оратором, но пифагорейский предсказатель Нигидий Фигул, современник философа, должно быть, ими наслаждался.

На протяжении века *Urbs* (Рим. — *Ред.*) основательно изменил внешний вид. Первые следы влияния эллинистической архитектуры проявляются к 193—192 гг. до н. э. в перестройке торгового порта в квартале *Форума Боариума* (мясного рынка) и в сооружении портика — утилитарной постройки, совершенно не являющейся центром городской жизни. Но другой портик той же эпохи, открывающийся на Марсово Поле, был первым римским примером торговой улицы, обрамленной магазинами.

Базилики, происходившие от «царских портиков» (*basilikai stoai*) Пергама и Сирии, напрямую вводили методы городского строительства греческого Востока. Самая древняя — и это яркий символ — принадлежала Катону (построена в 184 г. до н. э.), но от нее ничего не осталось; за-

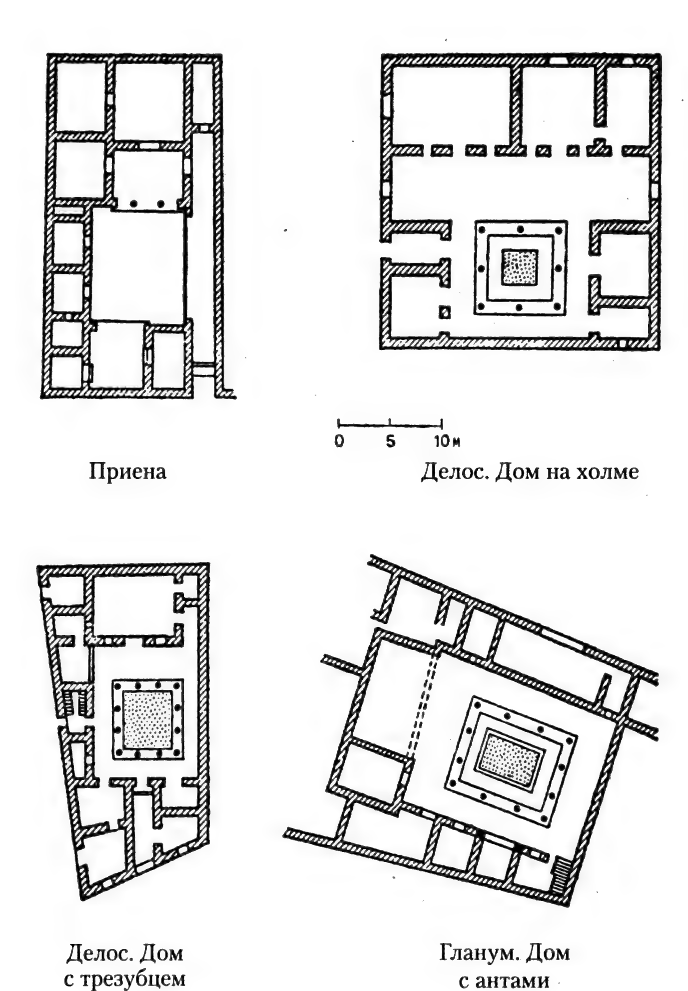

0 5 10м
Приена
Делос. Дом на холме
Делос. Дом
с трезубцем
Гланум. Дом
с антами

Рис. 6

тем Эмилиева базилика (179 г. до н. э.), расположение которой демонстрирует заботу о градостроительстве, упорядочивает стороны Форума в соответствии с методом, использованным Атталидами в афинской агоре. Далее следует базилика Семпрония, построенная в 169 г. до н. э. симметрично предыдущей. Сулла завершил начинание строительством Табулярия, установив вдоль Капитолийского холма высокий фасад, закрывающий площадь. Со своими портиками эти базилики начинают придавать Форуму вид греческой агоры, но не затрагивают хаотической планировки внутри кварталов, тесно связанной с религиозным прошлым города, что мешало изменить ее до основания. Однако Сулла, похоже, наметил новые улицы на аркадах Капитолийского холма. В некоторых местах остались следы их мощения. Он лично освятил множество храмов, один в честь Венеры Felix, другие — в честь Геркулеса Покровителя. Но храмы Бычачьего рынка — храм Фортуны Мужественной и храм Портуна, которые затем последовали, свидетельствуют об эллинистических влияниях, в то время как храмы Ларго Аргентина («республиканские храмы»), предшествующие им, соответствуют этрусским и италийским образцам. В 83 г. до н. э. храм на Капитолии сгорел, и диктатор начал его восстановление. Возможно, что распространение в Риме коринфской капители, несколько смягченной, обязано Сулле, который привез из Афин несколько великолепных экземпляров из Олимпиона Антиоха Эпифана. Вообще эта эпоха отмечена первым использованием мрамора вместо туфа и появлением греческого сетчатого плана. Чаще появляется полукруглый свод, на-

пример в Табулярии, и если его уже знали и использовали этруски, вероятно, пергамская архитектура способствовала его популярности.

За пределами Рима Сулла также вел большое строительство: в Этрурии (театр Фьезоле), в окрестностях Рима (Тиволи, Палестрина, Таррацина, Кора) и в Кампании (Помпеи). Именно в Лации он воплотил грандиозные планы, которым помогло его знание эллинистической архитектуры: внушительные пропорции, расположенные одна над другой террасы, крепления с дугообразными контрфорсами, громоздящиеся в высоту ярусы — все это свидетельствует о влиянии монументального градостроительного стиля, близкого пергамской школе. Храм Геркулеса в Тиволи возвышается над мощным основанием с глухими аркадами, увенчанным с трех сторон двух-этажным портиком. Самый прекрасный ансамбль, который превосходят построенные в другом стиле Форум Траяна и его лестницы, — это ансамбль святилища в Пренесте, посвященного Фортуне Примигении («перворoдной»). Речь идет о громадном архитектурном комплексе на холме. Трехэтажное святилище включало двор с портиками, многочисленные часовни со статуями в нишах и дугообразными апсидами, а на вершине — сооружение с двумя выступами фасада с аркадами и центральной полукруглой экседрой. Ансамбль возвышался над городом Пренесте, перестроенным в соответствии с прямоугольной планировкой эллинистических городов. Мозаики, экспонируемые в настоящее время в Музее, находящемся в самих зданиях, представляют пейзажи в «нильском»

стиле: рукава рек, лодки, небольшие колоннады, часто пышно украшенные, диковинные животные, деревья и листва.

Точно так же храм Юпитера Анксур в Тиррацине поднимался вверх по склону, на громадном фундаменте, образованном двенадцатью аркадами и сводчатой крытой галереей. Размещенные на склонах крутых холмов, эти храмы, с их горизонтальными фундаментами, где единообразие нарушали контрфорсы, напоминают, с некоторой римской тяжеловесностью, многоярусное нагромождение Пергамского Акрополя.

Помпеи тоже были предметом забот Суллы, который устроил там колонию ветеранов. Древний оскский и самнитский город со зданиями италийской постройки из сарносского камня пережил глубокие трансформации в «туфский период», в 146—79 гг. до н. э. Возводились двухэтажные дома, окруженные колоннадами, и монументальный квартал Форума; храм Юпитера с подиумом, построенным по этрусско-италийскому образцу, но с коринфскими колоннами. Форум был окружен портиками, но главным его украшением была базилика, предшествующая созданной Суллой колонии. Ее стены были покрыты штукатуркой, имитирующей инкрустированный мрамор, согласно технике, использованной в портике террасы храма Афины в Пергаме и затем применявшейся при украшении жилых домов. Племянник диктатора, П. Сулла, повелел вымостить улицы блоками из застывшей лавы, проложить тротуары и переделать стабийские термы; он увеличил театр и добавил к нему одеон. К этой эпохе относится начало второго помпейского стиля: вместо штукатурки,

имитирующей мрамор, с помощью панелей или геометрических кессонов насаждается «архитектонический стиль», при котором живописными средствами создается иллюзия пилястр, колонн, архитравов, между которыми натуралистические картины производят впечатление находящихся снаружи широких открытых бухт, селений, садов, городских улиц. Дома времен Республики, недавно обнаруженные при раскопках в Риме, выдержаны в том же стиле. Сулла, вероятно, ввел и инкрустированную мрамором плитку, и «эллинистическая мозаика вошла в Италию с драматической Арбельской битвой, которая была оправлена в раму в Доме фавна» в Помпеях (Ж. Каркопино). В помпейском доме, который сочетает италийскую традицию (*тосканский атриум*) и эллинистические включения (*перистиль*), — очевидно техническое влияние делосского дома, что объясняется италийским населением острова, торговля которого в то время приводила в Путеолы, расположенные в нескольких километрах от Помпей.

Нет совершенно никакой необходимости отправляться в Италию, чтобы увидеть проникновение эллинизма на Запад. В Галлии марсельская колония Гланона (Гланум, Сен-Реми-де-Прованс), хорошо известная благодаря раскопкам, начатым А. Ролланом, легко демонстрирует нам все внешние черты небольшого эллинистического города. Ныне известна крепостная стена Массалии II и I вв. до н. э. до пагубной осады 49 г. до н. э. Речные наносы альпийского потока случайно сохранили в Сен-Реми следы прошлого.

Город возник по соседству с кельтским святилищем, посвященным целебному источнику.

Кирпичная кладка раскрывает здесь три последовательных периода: Гланум I периода II в. до н. э., прекрасной эллинической перевязкой каменной кладки из крупных блоков, положенных друг на друга без строительного раствора; Гланум II периода 100—49 гг. до н. э. со стенами из неровных, крупных камней; Гланум III — римский, с ровной кладкой камней в форме параллелепипедов, скрепленных превосходным строительным раствором. Мы касаемся здесь только двух первых периодов.

Не осталось никаких существенных частей общественных памятников, кроме фронтона храма, но сохранилось множество домов, где сразу можно заметить делосское влияние, в частности Дом с антами с его центральным двором, окруженным портиками, и глубоким водоемом, несомненно, выстланным мозаикой, как в Доме с трезубцем в Делосе *(см. план на с. 149)*. В результате перестройки дорические колонны были заменены ионическими, более соответствовавшими вкусам времени. Стены были покрыты раскрашенной штукатуркой ярких цветов, в которой узнается второй помпейский стиль. Дом примыкал к рынку, состоящему из двора, окруженного с трех сторон портиками. За пределами «улицы терм» другие дома Гланума I и II сохранили мозаики, одна из них на средиземноморскую тему — с дельфинами и рыболовной сетью.

В развалинах было найдено множество эллинистических вещей. Одни были созданы в местных мастерских, где неумело трактовались восточные мотивы: барельеф, представляющий лежащего Аттиса, свидетельствует о широком рас-

пространении культа Кибелы; и в том же доме, именуемом Домом Аттиса, — группа, выполненная в еще более неуверенной манере — Гермес с городской богиней Тихе. Другие предметы чисто греческой работы, как Кора, и даже александрийской: в бронзовой статуэтке спящего негра узнается гротескный реализм птолемеевских художников; прекрасная бронзовая пластина представляет Эроса, держащего щит. Со своей стороны Ш. Пикар особенно настаивал, что *ойнохоя* (кувшин для разливания вина. — *Ред.*) из позолоченной бронзы с портретом лагидской царицы от основания до ручек, — вещь, безусловно, привезенная из Египта. Другие находки такого же происхождения, созданные в Провансе, свидетельствуют о распространении изделий александрийской чеканки.

Таким образом, цивилизация, зародившаяся на Востоке после смерти Александра, проникла повсюду на Запад, в Карфаген, Помпеи, Рим, Галлию. Несмотря на местные влияния — ливийско-пунические, этрусско-кампанийские, даже кельтско-лигурийские, основные мотивы везде узнаваемы. Архитектура принимает схожие формы, как в общественных сооружениях, где Пергам, кажется, играет главную роль, по крайней мере в Лации, так и в частных строениях, планировка и оформление которых исходят от делосского дома, возможно, через посредство Кампании. Скульптурные школы распространили в Риме и Помпеях свои образцы, главным образом родосские и неоаттические, в то время как искусство малых форм скорее относится к александрийскому стилю.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы надеемся, что на этих стремительно промелькнувших страницах, где многие нюансы не могли быть раскрыты, нам все же удалось доказать, благодаря многим и плодотворным последним исследованиям, необходимость окончательно пересмотреть некоторые прежние суждения.

Эллинистическая цивилизация не имеет ничего общего с упадком, и ее нельзя трактовать как переходный, смутный и хаотический период между греческим классицизмом и могуществом Римской империи. Она как барокко античности и как что-либо другое будет находить своих почитателей, все более и более просвещенных. В самом деле, всегда опасно выносить приговор какой-то эпохе, опираясь с художественной или литературной точки зрения на ту, что предшествовала ей, а с политической и экономической — на ту, что за ней последовала. Каждая цивилизация образует нечто целое и должна быть изучена ради нее самой. Рассматривая многие новые явления, отмеченные нами и их значение для будущего, непредубежденные умы будут долго удивляться жизненной силе эллинизма, находившегося в состоянии борьбы со сложными проблемами мира, вышедшего за пределы Средиземноморья.

БИБЛИОГРАФИЯ

Александрийская поэзия. М., 1972

Аполлоний Родосский. Аргонавтика. Тбилиси, 1964

Бенгстон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982

Блаватская Т.В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М., 1983

Бонгард-Левин Г.М. Древнейшие цивилизации. М., 1989

Викерман Э. Государство Селевкидов. М., 1989

Дройзен И. Политическая история эллинизма. Т. 1—3. М., 1980

Зелинский Ф.Ф. Религия эллинизам. Пг., 1922

Кошеленко А.Г. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979

Левек П. Эллинистический мир. М., 1989

Лосев А.Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. М., 1980

Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М., 1979

Павловская А.И. Эллинистическая цивилизация. М., 1989

Полибий. Всеобщая история. Том 13. М., 1980

Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950

Ривкин Б.И. Античное искусство. М., 1972

Рожанский И.Д. История естествознания в эпоху эллинизма и Римской империи. М., 1988

Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М.—Л., 1949

Чистякова Н.А. Эллинистическая поэзия. М., 1988

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научно-популярное издание

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Редактор *Н.С. Кочарова*
Корректор *И.Н. Мокина*
Технический редактор *Н.И. Духанина*
Компьютерная верстка *М.В. Поташкин*

ООО «Издательство Астрель»
143900, Московская область, г. Балашиха,
пр-т Ленина, 81

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл,
ул. Кочетова, д. 28

Наши электронные адреса:
www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано в ОАО ордена Трудового Красного Знамени
«Чеховский полиграфический комбинат»
142300 г. Чехов Московской области
Тел. (272) 71-336. Факс (272) 62-536

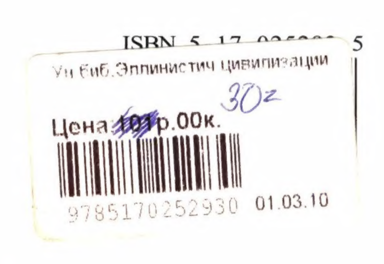
*Университетская библиотека —
это серия книг для высших учебных заведений
по всем основным областям знаний.
Все книги серии написаны ведущими
специалистами в своих областях*



Невозможно отрицать самобытность эллинистических цивилизаций: достаточно сравнить пергамский Акрополь с афинским, историю Полибия с историей Фукидида, классику Перикла с «барокко» Антиоха Эпифана. Авторы этой книги, изучив многочисленные исследования, предприняли попытку пересмотреть некоторые прежние суждения и пришли к выводу, что эллинистические цивилизации не имеют ничего общего с упадком и их нельзя трактовать как переходный, смутный и хаотичный период между греческим классицизмом и могуществом Римской империи.

Поль Пети — профессор Гренобльского университета социальных наук.
Андре Ларонд — профессор университета Париж—Сорбонна.

ISBN 5-17-025293-5



Университетская библиотека

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

11